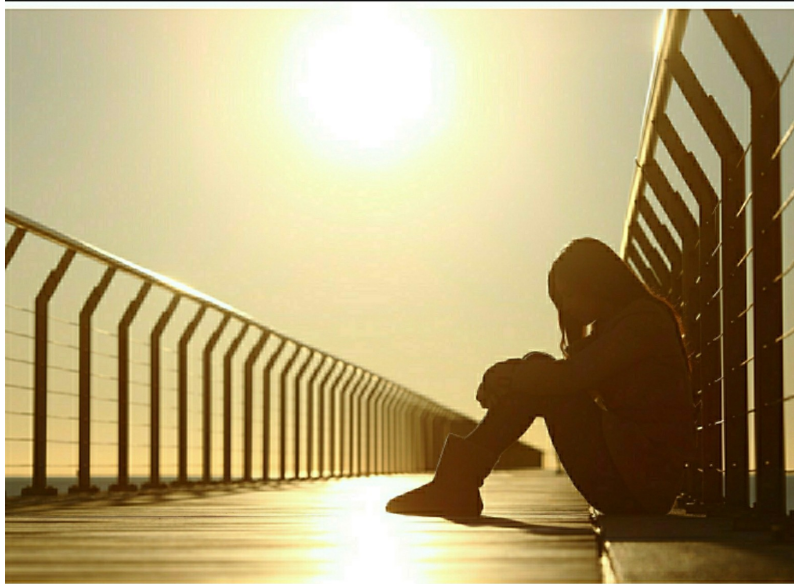

Наталья Озерская

ОПЕКУН

18+

16+

Наталья Федоровна Озерская

Опекун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36082040

SelfPub; 2018

Аннотация

Молодой преуспевающий бизнесмен Вадим Вяземский, проезжая по Литейному мосту, замечает девочку, которая прыгает в воду. Он, не раздумывая, бросается вслед за ней. Позднее, навещая спасенного подростка в больнице, Вадим решает стать ее опекуном. Этот отважный поступок изменит траектории жизни сразу нескольких людей...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	58
Глава 3	101
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Эту книгу я посвящаю моему мужу и благодарю его за терпение и поддержку

Глава 1

«Лексус» черного цвета на большой скорости двигался по Литейному мосту в сторону одноименного проспекта. Моросил противный, холодный, мелкий дождь, нередкий для поздней осени. В салоне автомобиля громко играла музыка, и водитель, держась за рулевое колесо одной рукой, второй отбивал по нему такт. У него было хорошее настроение, он почти добрался до дома, где его ждал безмятежный отдых, и поэтому на губах временами появлялась улыбка. Внезапно боковое зрение зафиксировало промелькнувшее справа большое темное пятно. Он повернул голову и от увиденного резко вдавил в пол педаль тормоза. Сработала АБС, и машина остановилась как вкопанная. На парапете моста стояла невысокая, худая фигура в темной одежде, и издалека невозможно было определить, женская она или мужская. Выпрыгнув из машины, Вадим быстро двинулся по направлению к человеку, решив как-то разговорить его.

– Эй, подожди! Не делай этого. Давай поговорим, – крикнул он.

– Не подходи! Я все равно прыгну. – Ответ прозвучал с холодной решимостью.

По голосу он понял, что это девчонка.

– Не дури! Какое событие тебя могло толкнуть на это? Парень бросил? Плюнь на него. Найдешь другого. Всего-то

дел! – говорил он, приближаясь к ней.

– Уйди! – не оборачиваясь, крикнула она и с отчаянной решимостью оттолкнулась от перил моста.

Вадим кинулся к ней, но руки только скользнули по мокрой ткани плаща. Он ошарашенно смотрел вниз, где через несколько секунд с громким всплеском раздалась воды Невы и поглотили тело девочки. Он обернулся: рядом остановилась еще одна машина, и водитель, опустив стекло, смотрел на Вяземского.

– Скорую вызови, – крикнул Вадим и, сбросив куртку, прыгнул вниз.

Ему пришлось несколько раз нырять, пока он не схватил девочку за капюшон. Он не чувствовал холода, потому что ему казалось: ледяная вода обжигает кожу. Намокшая одежда прилипла к телу, сковывая его движения. Он плыл к берегу, прижимая девочку спиной к себе, и эта тяжелая ноша не давала ему возможности двигаться быстро. С моста по пешеходной дорожке к воде уже бежали люди. Вадим почувствовал под ногами дно и, приподняв тело девочки, передал его в тянувшиеся к нему с берега руки. Скорая приехала достаточно быстро, почти сразу после того, как девочке успели сделать искусственное дыхание. Вяземский слышал, как она натужно кашляла, освобождаясь от остатков воды в дыхательных путях и легких. Он постоял немного в толпе спасателей и почувствовал, что окончательно замерз от мокрой, прилипшей к телу одежды, дождя, заползающего за шиво-

рот, и холодного, пронизывающего до костей ветра, налетающего порывами со стороны Невы. Содрогаясь от холода, он быстро пошел к своей машине, но его перехватили прибывшие на место работники полиции, которым было необходимо получить дополнительные сведения о факте суицида подростка.

– Не могу ничего сказать. Я не знаю ее совсем. Случайно увидел. – Вадим провел рукой по мокрым волосам. – Я возвращался из Сестрорецка, ехал оттуда, с Выборгской стороны. – Он жестом показал направление своего движения. – Почти проехал мост, а тут она...

– Хорошо. Мы еще с вами побеседуем. Документы покажите свои.

– Извините, я весь мокрый. Холодно очень. И документы в машине. – Вадим направился к своему внедорожнику.

– Вы не включили аварийку, тем самым не обозначив свое транспортное средство на полосе движения, – увещевал его молодой лейтенант, следуя за ним по пятам.

Ему почему-то неприятен был этот холеный «спасатель», не вызывавший в его ментовской душе ничего, кроме раздражения. Бесило в нем все: манера поведения и привлекательная внешность, особенно его высокий рост, которым не мог похвастаться сам, крепкие мускулы, проступающие под мокрым джемпером, облепившим его тело; но еще больше лейтенанта злил его независимый, уверенный вид. С чего бы это?

– Не включил, извините, не до того было. И вообще, если бы я все делал по правилам, я не успел бы спасти девчонку. Тем более рядом остановилась еще одна машина. – Он подал въедливому лейтенанту свои документы, чтобы тот мог переписать его данные, а сам взглядом пытался отыскать сброшенную куртку.

Лейтенанту сделали замечание свои же ребята. Он, облокотившись на капот «Лексуса», старательно переписывал данные паспорта «спасателя», а сам искоса поглядывал на него. Вадим подобрал свою замшевую куртку и, не рискнув надеть ее на себя, сел в машину. Он включил «печку», чтобы избавиться от противной мелкой дрожи, которая сотрясала все его тело. Лейтенант, закончив писать, нехотя протянул Вяземскому документы.

– Я могу ехать?

– Можете, – миролюбиво ответил второй полицейский и улыбнулся.

Вяземский проехал по Литейному проспекту до сквера Дружбы и повернул налево. Теперь он ехал по своей улице – Кирочной – и мечтал поскорее попасть домой. Оставив машину на подземной парковке, он поднялся в лифте на свой этаж и долго не мог открыть входную дверь ключами, потому что плохо слушались пальцы. Первое, что он сделал дома, – это сбросил с себя мокрую одежду и встал под тропический ливень, сделав температуру воды погорячее. Прозрачные стенки душевой кабины почти сразу запотели от пара

и отгородили его от внешнего мира. Вяземский долго стоял под душем, с удовольствием подставляя под его горячие струи лицо и тело, пытаясь согреть замерзшую спину, плечи, поворачиваясь кругом, отфыркиваясь от воды и постепенно приходя в себя. Он раз за разом вспоминал полет с моста незнакомой девчонки, мысленно представляя себе, о чем она могла думать в последний момент, когда прощалась с жизнью, и как велика должна была быть степень ее отчаяния. Надев халат, он прошел к бару и плеснул себе в бокал порядочное количество коньяка. Большой глоток алкоголя прокатился по горлу, обжигая его. Спазмы разжались, дрожь прошла, и стало легче. Он допил коньяк и почувствовал, что отпустило. Потом он поискал в куртке телефон и, достав его из кармана, набрал номер своей девушки.

– Привет, – бодро проговорил он.

– Привет! Ты чего так долго не звонил? Я волновалась. От Сестрорецка ехать всего сорок километров...

– Сорок три, – уточнил с ухмылкой на лице Вяземский, подливая себе коньяк.

– Вадим! Ты – зануда. Чем ты занимался?

– Подвиг совершал, – самодовольно ухмыляясь, пробормотал он.

– Хватит прикалываться!

– Жанна, это не прикол. Пришлось прыгать за девчонкой с моста в Неву. Черт, вода ледяная просто. Все-таки конец ноября. Согрелся только под душем и сейчас пью коньяк, что-

бы не заболеть.

– Правда? Что за девчонка? Она жива? – засыпала его вопросами Жанна.

– Бог ее знает. Вроде жива. Ее скорая увезла.

– Давай рассказывай все по порядку, – потребовала она.

– Хм-м! Что рассказывать?

– Ну, все! Как ехал, как увидел, где все это произошло?

Вадим, ну, не тяни! Мне интересно.

– Да что рассказывать? Ехал, как обычно, по Приморскому шоссе, потом с Выборгской стороны заехал на Литейный мост и, не доезжая одного пролета до Литейного проспекта, увидел боковым зрением с правой стороны темную фигуру, стоявшую уже за перилами моста. Ты же знаешь, там с обеих сторон тротуары широкие. Я остановился и направился к ней. Между нами было четыре-пять метров, не больше. Я бросился к ней, но не успел ее схватить. Вернее, схватил, но не удержал. Ткань плаща гладкая, да к тому же еще и мокрая...

– Ой, Вадим, я знаешь что вспомнила?

– Догадываюсь, – на его губах появилась кривая ухмылка, – опять страсти какие-нибудь.

– Страсти? – возмущенно возразила девушка. – Да я читала это сама! Вокруг этого Литейного моста ходит множество слухов. Рассказывают про священный валун Атакан, лежащий на дне Невы именно в этом месте, который требует себе все новых и новых жертв. В дни лунных затмений там

поднимается зловещий туман, а реку в этом месте охватывает черный водоворот, готовый затянуть в себя все живое. Но существует еще одно поверье, которое наделяет мост магической силой, способной притягивать сюда со всего города самоубийц.

Вяземский сделал большой глоток коньяка, но не ощутил предполагаемого удовольствия, но зато почувствовал, как от мистических преданий засосало под ложечкой.

– Жанн, давай на этом закончим о поверьях.

– Ага, уже не по себе становится? Боишься?

– Не говори ерунды, – раздраженно произнес Вадим.

– Народ шепотом называет Литейный мост оборотнем, – не унималась Жанна. – Водолазы, занимающиеся поиском утопленников, утверждают, что, действительно, ежегодно с моста прыгают в воду те, кто решил свести счеты с жизнью. Предание гласит, что раньше на этом месте существовал мост-призрак, служивший воротами в параллельные миры. Поговаривали, что ищущие смерти находили этот призрачный мост, в тумане заходили на него и исчезали, уходя в потусторонний мир. Вот и эту девчонку потянуло туда. Это все неспроста. Поверье не выдумали. Оно до сих пор работает. Представляешь?

– Представляю. Завтра утром заеду к ней. Надо узнать, может, помощь какая-то нужна.

– Хочешь, я с тобой поеду?

– Обойдусь, – лаконично оборвал ее Вяземский.

– Почему так категорично?

– Иначе мне нужно будет за тобой ехать, а у меня времени на это нет.

Они еще поговорили и вскоре распрощались. Ночью Вадиму снились секции перильного ограждения с изображением щита с гербом города, русалки, удерживающие в руках скипетр и два якоря: морской и речной. Снились морские животные в просветах чугунных столбиков и черная вода внизу. Вяземский проснулся и отправился в душ, который смыл остатки неприятного сна. Ему вспомнились русалки из ночного кошмара, все как одна с удивительными синими глазами. Почему именно с синими, Вадим так и не понял. Времени было в обрез, и раздумывать об этом было некогда. По пути в больницу он заехал за цветами для спасенной им девчонки. Он долго обводил глазами полки с цветами, раздумывая над тем, какие уместнее было дарить в таких случаях, а потом махнул рукой и купил белые розы. В больнице ему выдали халат и проводили в палату к пострадавшей.

– Алена, это к тебе, твой спаситель, – приветливо проговорила медсестра и торопливо вышла.

Вадим увидел худенькую девочку-подростка, которая при его появлении отвернулась и натянула на голову одеяло, показывая тем самым, что не расположена к разговорам с ним. Он подошел и сел напротив нее на свободную кровать.

– Привет! Как себя чувствуешь после купания?

Девочка молчала, сжавшись в комок под больничным оде-

ялом; только пожилая соседка, вставая с кровати, пояснила:

– Подозрение на пневмонию у нее. Температура. Видать, холодной воды нахлебалась...

– Правда? – переспросил ее Вадим. – А я ничего, не заболел. Наверное, помог горячий душ. Слушай, а чего тебя понесло именно на этот мост? Ведь Нева в этом месте имеет самую большую глубину – двадцать четыре метра, и дно покрыто противным слоем илистой глины. Бр-р! – Вадим пожегил и улыбнулся, стараясь развеселить девочку. – Хорошо хоть, прыгнула с последнего пролета; если бы с середины моста, то мы бы с тобой не выплыли. Пятьдесят метров я осилил с тобой, да еще в мокрой одежде, а вот двести – не уверен.

Она неожиданно откинула одеяло и прокричала ему в лицо:

– А кто тебя просил за мной прыгать? Спаситель! Да ты... – Она задохнулась от захлестнувших ее эмоций. – Да ты только хуже мне сделал! У меня уже не было бы никаких проблем, а сейчас... Сейчас, благодаря тебе, только хуже будет. – Голос был охрипшим, а огромные, красивые, синие глаза сверкали от слез.

– Ты с ума сошла?! Что у тебя могло случиться такого ужасного, чтобы захотелось в одночасье распроститься со своей жизнью, а заодно и с моей? – возмущенно проговорил Вадим.

– Случилось. Давно случилось, – устало произнесла она и

закашлялась. – Только ты-то тут при чем?

– Потому что в воде мы вместе были. Понимаешь? Вместе!

Она смотрела на него не отрываясь, потом с болью в голосе произнесла:

– Господи, ну зачем только ты там появился? Откуда тебя вынесло? – И, закрыв лицо руками, заплакала навзрыд.

– Значит, так нужно было, если появился. Считай, что так решил Господь, а оспаривать его решение не имеет права никто. Знаешь, как говорят? Чего в планах Господа нет, того с нами не случится. И еще тебе хочу сказать, что самая темная ночь всегда бывает перед рассветом, а самоуничтожение никогда не бывает достойным выходом. У тебя впереди еще так много интересного, гораздо, гораздо более интересного, чем во всей твоей жизни «до», и вот эта вера в лучшее должна стать для тебя главным мотиватором, чтобы взять себя в руки и с новыми силами начать жить. Все будет так, как ты захочешь. Ладно. У меня мало времени. – Он хлопнул себя по коленям и резко поднялся. – Вот тебе цветы, попроси медсестру поставить их в воду. Фрукты и все остальное привезу вечером.

Она оторвала руки от лица и испуганно сказала:

– Мне ничего не надо. Мне вообще ничего не надо. И навещать меня тоже больше не надо. Тоже мне, благодетель нашелся.

– Извини. Мне нужно на работу, поправляйся, – сухо про-

изнес Вяземский и вышел из палаты.

«Не девчонка, а колючка какая-то, – думал он. – Я, конечно, спасал ее, не ожидая благодарности, но такая реакция... Скорее всего, это у нее последствия посттравматического шока», – решил он. Вадим прошел по больничному коридору, разглядывая таблички на дверях. Он заглянул в ординаторскую, решив поговорить с ее лечащим врачом, но там никого не было. Утренний обход в отделении к этому времени только еще закончился, и доктор теперь направлялась в его сторону. Букина Татьяна Петровна оказалась немолодой, но очень энергичной женщиной, наверняка много повидавшей в своей практике. Вадим поинтересовался самочувствием спасенной им девочки и получил подробную информацию о состоянии ее здоровья. Доктор сообщила ему также о том, что спасенная им девочка, скорее всего, из неблагополучной семьи, так как родственники в больницу до сих пор не явились, поэтому работники полиции, которым они обязаны были сообщить о случае суицида у пациента, вызвали к ней специалистов из социальной службы.

После совещания Вяземский по телефону связался со следователем, и тот подтвердил слова доктора о том, что спасенная им девочка – Алена Гончарова, что ей четырнадцать лет и она действительно из неблагополучной семьи. Следователь сообщил, что уже имел удовольствие беседовать с ее матерью, которая заявила, что дочь никто не насиловал, что та сама пыталась соблазнить ее сожителя. Он сказал также

Вяземскому, что мать очень сердится на девочку и в больнице ее навещать не собирается.

– Как же девчонка вернется домой после всего? – удивился Вяземский.

– Домой она точно уже не вернется, – заверил его следователь. – Там такая ситуация... – Он замолчал, и Вяземский догадался по звукам, что тот прикуривает сигарету, и, сделав затяжку, продолжил: – Мать давно лишена родительских прав, отец, который в настоящее время является опекуном девочки, живет с другой семьей. Надо сказать, что папаша вообще хорошо устроился. К себе дочь Гончаров забирать не хочет. Официально алименты не платит, так как дочь должна жить с ним, то есть считается, что живет с ним, но фактически она проживает с матерью. На что они там живут – непонятно. Если отец официально откажется от опекуна, то будем девочку оформлять в детский дом. Сейчас возбуждено уголовное дело по статье сто десятой УК РФ – «Доведение лица до покушения на самоубийство».

– Что за это грозит виновным? – спросил Вяземский. Он по примеру следователя закурил и с удовольствием затянулся, выпуская колечки дыма.

– Наказание, предусмотренное по этой статье, – лишение свободы до трех лет.

– По мне, так все ясно: с такой семьей...

– Не все так просто. Расследование уголовного дела будет продолжаться.

Вадим слушал скупые пояснения следователя, а сам тем временем вспоминал девчонку с синими, как у русалок из его сна, глазами, и сердце сжималось от жалости и боли. Ему хотелось помочь ей, но в голову ничего не приходило. Следователь напомнил Вяземскому, чтобы тот не забыл поставить свою подпись под протоколом. Вадим пообещал заехать в УВД в конце дня, после работы, и выключил телефон. «И почему это психологи утверждают, что жалость к людям является агрессивным чувством и привлекает ответную агрессию? – думал Вяземский, машинально перекатывая авторучку по столу. – Человек, проявляющий сочувствие к другому человеку, почти всегда готов оказать помощь». Но потом он вспомнил агрессивную реакцию Алены на свои слова, подумал и вынужден был мысленно признать правоту психологов. «В любом случае, – думал он, – каждый человек, который встречается нам в жизни, несет для нас какую-то важную информацию. Зачем-то же мы с ней встретились?» Он вздохнул, кинул взгляд на часы и поднялся. Кожаное кресло откатилось к стене, освобождая ему проход. Через минуту Вяземский шагнул по просторному холлу в кабинет главного бухгалтера. Она собиралась ехать в банк, а ему нужно было подписать документы. Он мог ее вызвать к себе, но ему не хотелось лишний раз гонять Киру Сергеевну, учитывая ее возраст, к которому относился с уважением.

Рабочий день прошел в обычном ритме, а вечером Вя-

земский заехал в управление внутренних дел к следователю, чтобы подписать протокол опроса его как свидетеля. Тот с недоумением окинул взглядом респектабельного, уверенного в себе молодого мужчину, удивляясь тому, что именно он бросился в ледяную воду спасать незнакомого подростка. Подвинув к нему бланки протокола, напомнил:

– Не забудьте внизу поставить дату – двадцать первое ноября две тысячи десятого года.

– А если кто-то согласится стать ее опекуном? – произнес Вадим, закончив писать.

– Вадим Георгиевич, не понимаю, о чем вы... – проговорил Никонов, убирая подписанные бумаги в пластиковую папку.

– И все же, если у девочки появятся опекуны? – настойчиво повторил Вяземский. – Что тогда?

– Ну-у! Это нереально, – уверенно протянул Никонов. – Ответственность за подростка в таком возрасте и заботу о нем не захочет брать на себя никто, это я вам точно могу сказать. Жизненный опыт! Тем более, девочка из такой неблагополучной семьи. Кроме того, эти проблемы решают соответствующие органы. А там бумаг... – Он отчаянно махнул рукой. – От кандидатов, если таковые найдутся, потребуют справки о наличии жилья и доходах. Делается это для того, чтобы вовремя отсеять недобросовестных людей, желающих поживиться за счет государства, ведь на такого ребенка выплачивается пособие... Сами понимаете.

– Я могу узнать адрес матери девочки?

– Зачем? – удивился следователь и в замешательстве уставился на Вяземского, глядя на него поверх очков.

– Я хочу поговорить с ней. Имею я право пообщаться с родителями девочки, которую я спас?

– Можете. Только зачем? – искренне недоумевая, принес Никонов и, порывшись в папке с бумагами, нашел нужный лист и протянул его Вадиму: – Там есть телефон отца, если нужно. И адрес матери.

– Спасибо. – Вяземский забил координаты родителей Алены в записную книжку мобильного телефона и поднялся.

Попрощавшись со следователем, он вышел из кабинета, раздумывая, куда поехать в первую очередь. На размышления у него ушло несколько секунд. Подумав, он прикинул время до конца приема посетителей в больнице и решил сначала отправиться к матери Алены.

* * *

Вяземский заехал к Маргарите Гончаровой в Саперный переулок, чтобы переговорить с ней о девочке, но та не только не впустила его в квартиру, но и наотрез отказалась с ним общаться. Пьяно покачиваясь и упираясь руками в проем двери, она визгливо крикнула ему вслед:

– Извращенец! Я вот сейчас пойду к участковому и напишу заявление, что ты хочешь совратить мою дочь, а она,

между прочим, несовершеннолетняя. Он тебя живо... призовет к порядку. – Она пьяно икнула.

И тут из глубины квартиры вовремя раздался другой пьяный голос:

– Марго! Да что ты там ему впариваешь? Идем скорее к нам!

Вяземский поморщился от запаха перегара, исходящего от «дамы», и решил не искушать судьбу, ожидая продолжения дискуссии, а удалиться. Он спускался по лестнице с четвертого этажа, когда услышал, как этажом ниже квартиры Гончаровых открылась дверь. Проходя мимо, он увидел стоящую возле приоткрытой двери пожилую женщину с седыми, аккуратно уложенными волосами и милостивым лицом, несмотря на наличие большого количества мелких морщинок. Она осторожно окликнула проходившего мимо нее Вяземского:

– Молодой человек! Извините, я слышала, вы были у Гончаровых. Это ведь вы спасли нашу девочку?

Вадим обернулся к ней, останавливаясь. Он был расстроен, и разговаривать ему ни с кем не хотелось, поэтому он ограничился односложным утвердительным ответом.

– Скажите, как себя чувствует Алена? – не унималась соседка. – Я ездила к ней в больницу, но меня тогда не пустили, а сейчас сама приболела. Очень за нее переживаю.

– Нормально. Через несколько дней ее уже выпишут. Зашел к ним, – он кивком головы показал на квартиру Гонча-

ровых, – я просто хотел поговорить... – разочарованно произнес он и развел руками.

– Бесполезно! Они опять пьют. Если хотите, можете зайти ко мне. Я вам много чего могу рассказать об этой семье. Зайдете? – переспросила она и, угадав его намерение, посторонилась, пропуская его в квартиру. – Меня зовут Галина Дмитриевна.

– Очень приятно. Вадим Георгиевич Вяземский, – представился он.

– Вадим Георгиевич, мы давно живем здесь, и я знаю Алёну с детства, можно даже сказать, с рождения. Она хорошая, добрая девчонка, даже удивительно, как она такой выросла в этой семье. Проходите в комнату, располагайтесь, где вам будет удобно, – радушно предложила соседка. – Хотите чаю с мятой? Я недавно заварила, он даже остыть еще не успел.

– Если вас не затруднит... – скромно согласился Вяземский, оглядывая чистую, уютную комнату.

– Ну, что вы, конечно, не затруднит.

– Вы сказали, что знаете семью Гончаровых. Маргарита, мать Алёны, она давно пьет?

– Давно, – вздохнула Галина Дмитриевна, поставив перед Вадимом чашку с чаем. – Как муж ушел от нее, так и начала пить, потом из-за этого ее из театра уволили. Она ведь работала в ТЮЗе. Сначала пила от тоски, для поднятия настроения, а потом незаметно втянулась. Со временем появились друзья и подружки – все такие же любители выпить. Так

и пошло. Потом ее лишили родительских прав, но самое интересное то, что по документам Алена должна была жить с отцом, иначе бы ей грозила отправка в детский дом, а фактически продолжала жить с матерью.

Знаете, когда отец ушел из семьи, Алена в третий класс пошла. Умная девочка, и училась хорошо. Нет, она и сейчас учится хорошо. Знаете, Алена привыкла никому не доверять. Особенно самым близким. Иногда так бывает, что тот, кто ближе, способен ранить сильнее, ведь он знает все твои слабые места и ахиллесовы пяты. Извините, я так сумбурно рассказываю, перескакиваю с одного на другое. Я очень волнуясь... Знаете, Алена в своей жизни рассчитывает только на себя, можно сказать, живет по законам джунглей, где каждый сам за себя и человек человеку волк.

– Как ребенок может рассчитывать на себя? Он, как минимум, зависит от взрослых в финансовом плане, – пробормотал отрешенно Вадим и нахмурился.

– Если бы... Алена уже два года работает на рынке. Сначала убирала мусор, сейчас торгует рыбой. Получает за это зарплату, правда, у нее все отбирают мать с отчимом, но ей хватает платить за необходимые школьные нужды. Еще остается на канцелярские товары, даже на кое-какую одежду для себя она зарабатывает, конечно, из секонд-хенда. При всем этом Алена очень милая и славная девочка. Она добрая и отзывчивая. С ней очень приятно общаться. Не знаю, какая она в школе, скорее всего, замкнутая и необщительная,

но со мной Алена именно такая – добрая и славная.

– Так вот откуда эта ершистость и желание отстаивать свое решение любой ценой?

– У нее нет подруг, – подумав, добавила Галина Дмитриевна. – Это все потому, что Алена – девочка, которая пережила насилие. И речь не о сексуальном насилии, нет. Но давайте я объясню вам, что именно я имею в виду. Сначала это было насилие «из любви». Когда Алена родилась, ее родители были слишком заняты выяснением своих отношений, кроме того, они оба работали, поэтому ребенка не баловали и к рукам не приучали, хоть она и голосила часами, не давая спать соседям. И это было не самое страшное время в жизни девочки. Потом был детский сад. Вы же понимаете, что такое детское учреждение и как оно влияет на психику ребенка. Там все приходилось делать по расписанию. Не противоречить тем, кто старше и сильнее, подчиняться, молчать и делать как говорят. Это основные принципы данного учреждения. Именно там впечатлительные дети начинают терять контакт с собой. Я не хочу сказать, что в детском учреждении все плохо, есть и приятные моменты, но... Потом началась школа. Школа работала по тому же принципу, что и детский сад. Хотя к ним добавилось и много новых. Я вас не утомила? Может, вам это не интересно?

– Нет, почему же? Мне хотелось бы узнать о ней побольше. Ей нужно учиться, но для начала ей нужно выжить. Так что рассказывайте.

– Можно вас спросить? Сколько вам лет? Вы женаты?

– Нет, но собираюсь. У нас назначена дата свадьбы. Мне тридцать два года. Я много работаю. У меня частые командировки. Случается, что работаю допоздна и в выходные. Понимаю, что вряд ли моей будущей семье все это будет на пользу, но мне нравится моя работа, я многого добился, став в своем деле профессионалом высокого класса.

– Наверное, трудно жить одинокому человеку, тем более мужчине?

– Галина Дмитриевна, – снисходительно улыбнулся Вадим, – во-первых: я не страдаю от одиночества и не жалею на нехватку общения. У меня много друзей, которые давно завели семьи, но нашей дружбе это не мешает. Институтские друзья частенько вовлекают меня в различные волонтерские проекты. И по части бытовых проблем никаких трудностей у меня нет. Моя девушка, как и многие ее сверстницы, не стремится провести жизнь возле плиты. Раз в неделю приходит домработница, чтобы наводить порядок в доме. Если не хочется готовить самому, всегда можно поесть в ресторане.

– Жизнь соло, – задумчиво произнесла пожилая женщина.

– Что вы сказали? – удивился Вадим.

– Я говорю, жизнь соло. Она стала новой социальной реальностью. Люди перестали нуждаться друг в друге и в совместном житье.

– Это не совсем так, – неуверенно возразил Вяземский.

– Почему вас заинтересовала судьба Алены?

– Мне все это знакомо. Скажем так: у нас с ней общие переживания. – Он помолчал, делая паузу в разговоре. – Алена может оказаться в детском доме, – неожиданно сообщил он.

– А как же отец? Ведь он является ее опекуном.

– Узнав о попытке суицида у дочери, он отказался от опекуинства над ней.

Галина Дмитриевна разволновалась, услышав эту новость. Она с тревогой смотрела на Вяземского, ожидая, что он скажет еще, но тот молчал.

– Мы отвлеклись с вами от темы, – неожиданно напомнил он.

– Да-да! – встрепенулась соседка и продолжила: – Аленин папа тогда работал экономистом на «Арсенале» и хотел, чтобы его дочь хорошо училась. За тройки он ее бил и не стеснялся говорить об этом. Даже ремень в ее комнате над кроватью повесил, в целях устрашения. Так и повелось: если из школы девочка приносила плохие отметки, то отец вооружался ремнем, невзирая на мольбы дочери. Виктор тогда на мои замечания говорил: «Вырастет – сама благодарить за науку будет». Так все и шло. Вроде все делалось «из любви» и благих побуждений... Я думаю, именно тогда он и сломал девчонку. Она старалась учиться изо всех сил, игнорируя все остальное. Она до сих пор все свое свободное время сидит над уроками, зубрит, учит. Собственные желания она в расчет не берет совсем, потому что сознает, что не так они и важны в ее теперешней жизни.

Когда отец ушел из семьи, уроки проверять стала мама. Мама очень злилась, если Алена о чем-то спрашивала ее. Мать могла несколько раз перейти на крик и даже истерику на тему «тупоголовости» дочери, которая откуда-то такая взялась. Наказывала мама дочку обычно долгим бойкотом, который запросто могла выдерживать неделями. Алене запрещено было обижаться, кричать, плакать, потому что она должна была быть благодарна за то, что живет с матерью, что та ее не бросила, как отец. Ей можно было молчать, улыбаться и обязательно слушаться. Иначе – наказание ремнем. Или бойкот. И неизвестно, что хуже. А чтобы девочка снова услышала ее голос, мама требовала извинений, произносимых чуть ли не на коленях, после долгих унижений и слез. Потом Алена перестала просить маминой помощи. Когда у нее появлялись затруднения с выполнением домашнего задания, она прибегала ко мне, ведь я учитель начальных классов и когда-то учила Алenu. Вскоре и у мамы появился другой интерес. Пьяные загулы, сомнительные друзья, всегда готовые поиздеваться над девочкой. Все было. – Галина Дмитриевна тяжело вздохнула.

– Почему Алена не жаловалась отцу?

– Отцу... У того уже была другая семья, а новая супруга запрещала девочке приходить к ним. Да и искать защиты у отца, который сам часто позволял себе рукоприкладство... – Она замолчала, переживая заново минувшие события. – Я несколько раз сама пыталась поговорить с Маргаритой, но

она ничего не желала слушать. Оставалось только прятать девочку у себя вечерами, когда у них были пьяные оргии и скандалы, как в тот злополучный вечер. Жалко, что меня не было дома. Я осталась ночевать у сестры и не смогла уберечь девочку. Даже сейчас, когда с Аленой случилась беда и она убежала из дома, Маргарита не стесняется обзывать ее проституткой и говорит, что та сама во всем виновата. Заметьте, не взрослые пьяные мужики, а девчонка.

Галина Дмитриевна вздохнула и продолжила говорить, теребя руками красивый передник:

– А что касается домашних обязанностей, так они уже давно переключались на Алену. После школы она должна была идти на рынок, потом наводить порядок в квартире, мыть посуду и готовить ужин для матери с отчимом. Стирать и гладить белье – это тоже была ее работа. Со временем она привыкла, что все, что бы она ни делала, будет обязательно плохо и не так. И хотя она всеми силами старается сделать все правильно, Маргарита всегда находит к чему придраться, – жаловалась соседка.

Вяземский слушал горестное повествование, а сам вспоминал свою семью. Когда он шестнадцатилетним подростком приехал к матери, то ощутил на своей шкуре все бессмысленные и обидные придирки. Родные люди... Они ведут себя иногда совсем не как родные. Он теперь понимал, почему его так тянуло к этой неуклюжей девчонке, почему так хотелось устроить ее судьбу. Они испытывали одинако-

вые чувства и были, что называется, родственными душами. Оба выросли без материнской любви, только ему посчастливилось больше: с ним рядом была любящая бабушка. Алене, как видно, повезло меньше.

– Наверное, слушаете и поражаетесь, что же это за люди? Почему стали такими равнодушными? Да?

– Нет. Напротив, мне это все знакомо, – устало заметил он.

– Вадим Георгиевич, а вы могли бы стать опекуном Алены? Я бы сама стала ее опекуном, да мне семьдесят один год. Нельзя, говорят. Вы бы оформили документы на себя, а жить бы она стала со мной.

– По соседству с матерью? – усмехнулся он. – По-моему, это нереально.

– Вы правы. Хотя о чем я говорю? – тяжело вздохнула она. – Разве на это согласится ваша невеста? Да и вы сами... Наверное, это противоречит вашим нормам жизни?

– Нет. Дело совсем не в этом. Алена меня, конечно же, не обременит. У меня есть средства, и я мог бы ей помочь. Но... – Он замолчал, раздумывая.

– Я понимаю, была бы она маленьким ребенком, было бы проще.

– Дело не в этом! – решительно повторил Вяземский. – Как раз маленький ребенок меня бы испугал, а Алена уже достаточно взрослая девочка, способная сама о себе позаботиться. – Договорив фразу, он понял, что эта мысль у него

засела в подсознании с утра, но оформилась только сейчас.

– Вадим Георгиевич, помогите девочке.

– Я подумаю. Постараюсь.

– Я буду рада, если у вас все получится. Передавайте Алене привет от меня.

– Обязательно. Спасибо вам за чай и информацию.

От услышанного рассказа ему стало душно. Оказавшись на улице, Вяземский с удовольствием вдохнул полной грудью свежий морозный воздух. Обернувшись на дом, в котором жила Алена, он с удовлетворением подумал о том, что девочка сюда больше не вернется. Всю обратную дорогу до дома он размышлял об отношениях родителей и детей, о том, как важно вовремя разгрести возникшие психологические проблемы в семье, чтобы не случилось того, что произошло с Аленой.

Девочке необходимо чувствовать любовь матери, чтобы уяснить для себя, что она достойна любви и внимания, что ее видят и слышат. Это придаст ей силы, чтобы расти и стать самостоятельной личностью. Дочь нелюбящей, эмоционально отстраненной, или непостоянной, или слишком критичной и жестокой матери – очень рано получает от жизни другие уроки. Она не знает, что произойдет в следующий момент, какая мама будет с ней завтра – хорошая или плохая, она ищет ее любви, но боится, какая реакция на этот раз последует, и не знает, как ее заслужить. Амбивалентная привязанность к такой матери, как у Алены, приучила девочку к тому, чтобы

воспринимать отношения с людьми как ненадежные, которым ни в коем случае нельзя доверять. То, что он наблюдал сейчас, при встрече с девочкой, было результатом избегающей привязанности. Именно эта привязанность установила в душе девочки ужасный конфликт между ее детской потребностью в любви и защите и тем эмоционально-физическим насилием, которое она получала в ответ.

Самое плохое в этой проблеме то, что потребность дочери в материнской любви не исчезнет даже тогда, когда Алена станет взрослой и осознает, что это невозможно. Эта потребность будет продолжать жить в ее сердце наряду с ужасным осознанием того факта, что единственный человек, который должен был ее любить безусловной любовью, просто за то, что она есть на свете, этого не делает. Чтобы справиться с этим чувством, ей потребуется для этого целая жизнь. Так же, как и ему самому.

Вадим успел заехать в больницу и передать для Алены фрукты и соки. Подниматься к ней в палату он не стал, давая девочке возможность успокоиться. Весь вечер Вяземский находился под впечатлением от недавнего разговора с Галиной Дмитриевной. Он то и дело вспоминал отдельные моменты, и тогда лицо его приобретало сосредоточенно-хмурое выражение. Жанна видела, что Вяземский смотрит на экран телевизора, не вникая в суть происходящих там событий. Наконец она не выдержала.

– Где ты сейчас находишься? Точно, что не со мной, –

улыбнулась она.

– Знаешь, все время думаю о той девчонке. Алене. Я сегодня ездил к ее матери, хотел поговорить, но там... дурдом полный.

– Зачем тебе это? – искренне удивилась Жанна. – Мы и так ходим к ней в больницу, носим передачи... Вадим! Это еще тебе за спасение утопающего должны орден дать, – засмеялась она.

Вяземский недовольно посмотрел на нее, поднялся и прошелся по комнате.

– Это самое малое, что мы можем сделать для нее, – неожиданно заявил он.

– Вадим, мы ей ничего не должны. Если бы ты сбил ее на машине... А так... Есть у нее родители, пусть и не вполне адекватные, – бездумно произнесла Жанна, но неожиданно на-ткнулась на холодный взгляд Вяземского.

– Ты не понимаешь? Нужно оформить опеку над ней, чтобы ее не отправили в детский дом, иначе она там пропадет. Надеюсь, ты со мной согласна?

– Конечно, – предусмотрительно согласилась девушка. – Если ты так хочешь. Давай оформим.

– Я так и думал, – с облегчением произнес он. – Завтра поговорю со следователем. Что он скажет?

– Вадим, подожди, ты не сказал, где она будет жить.

– Пока с нами, потом, возможно, с Галиной Дмитриевной. Это соседка Гончаровых. Алена с ней дружна и доверяет ей.

– Надеюсь, с нами она будет жить недолго.

– Посмотрим, – неопределенно пожал он плечами.

Вяземский был рад, что Жанна хоть и против воли, но его поддержала. Они досмотрели фильм, а потом приятно провели остаток вечера.

* * *

С момента подписания Вяземским протокола в кабинете следователя прошло два дня. Заехав с утра в УВД Центрального района, Вадим застал следователя Никонова уже за рабочим столом. Он торопился в офис, где у него была назначена встреча с поставщиками, поэтому начал без долгого вступления и политесов.

– Здравствуйте, Андрей Николаевич! На днях я у вас подписывал протокол, и мы с вами говорили об Алене Гончаровой. Так вот, я подумал и решил, что могу стать ее опекуном. У меня есть девушка, и мы с ней собираемся пожениться. Я генеральный директор компании «Медсервис». И квадратные метры мне тоже позволяют это сделать. У меня огромная квартира в элитном жилом комплексе, – на одном дыхании произнес Вадим. – Все условия.

Следователь поднял голову от бумаг, которые он разглядывал, и посмотрел на Вяземского с нескрываемым изумлением, словно впервые увидел его. Откинувшись на спинку стула, он спросил, запинаясь:

– Вадим Георгиевич, а вам, извините, зачем возиться с этим? Вы уверены, что ваша будущая жена не передумает? Вы, успешный человек, и эта девчонка из трущобы... Не понимаю!

– У меня есть финансовые возможности для того, чтобы помочь попавшему в беду человеку.

– Кроме финансовых возможностей, нужно еще желание. У вас есть свои дети? – неожиданно спросил Никонов.

– Пока нет.

– Ну-ну! Похоже, вам в жизни не хватает своих проблем. Адреналина не хватает, одним словом, – усмехнулся он. – Если вы реализуете свое желание, то получите все и сразу. Знаете, я вам как отец двоих детей скажу: вы не представляете, во что вы ввязываетесь. – Он недоуменно воззрился на Вяземского. – Впрочем, дело ваше.

– Я отдаю себе отчет в своих поступках, – строго произнес он. – Это прежде всего нужно мне, – твердо заявил он. – Постараюсь сделать что-нибудь хорошее, хотя бы для одного конкретного человека.

– Извините. – Следователь замолчал, не пытаясь больше предостерегать его. – Поступайте, как считаете нужным.

Вяземский продолжал навещать Алёну в больнице, но все их общение сводилось к взаимным приветствиям, на больший контакт она не шла и о себе ничего не рассказывала, но ему это было уже не важно. Из разговора с Галиной Дмитриевной он и так теперь все знал, даже больше, чем знала сама

Алена. Она по-прежнему держала фасон и демонстративно ничего от него не принимала. Все передачи от него громоздились на тумбочке и заполняли полки холодильника. О ее самочувствии он регулярно справлялся у лечащего врача и был в курсе процесса лечения.

* * *

Во время его очередного посещения Татьяна Петровна встретила Вяземского в коридоре и пригласила его для разговора. Они прошли в небольшой холл, где стояли удобные диваны с низким столиком, и расположились напротив друг друга.

– Вадим Георгиевич, у меня к вам большая просьба, – начала Татьяна Петровна, – не носите больше девочке ничего, не забивайте палату. Кроме вас, к ней приходила девушка, и тоже с полными пакетами.

– Это Жанна. Моя невеста.

– Понятно, – улыбнулась Татьяна Петровна. – Я вот о чем хочу сказать: Алена ничего не ест из того, что вы приносите, да и в столовую почти не ходит. То, что касается ее здоровья: у нее развилась пневмония из-за переохлаждения и сниженного иммунитета, еще у нее был закрытый пневмоторакс. Его выявили при ее жалобах на боли в груди и затрудненное дыхание.

– Это что такое?

– Замкнутый пневмоторакс – это когда поврежденная плевро растягивается после попадания в нее небольшого количества воздуха, который рассасывается, и легкое вновь расправляется.

– Как это лечится?

– Не беспокойтесь. При попадании в грудную клетку воздуха никакого лечения не требуется: воздух быстро рассасывается сам. Обычно опасности для жизни человека при пневмотораксе не возникает. Ей требуются лекарства для лечения пневмонии, я записала все на листочке. – Букина передала Вадиму список. – Те, что у нас есть в наличии, менее эффективные. Постарайтесь купить все, что в списке.

– Я сегодня же их привезу; если не смогу сам, лекарства доставит мой водитель.

– Хорошо. Мы сразу же начнем лечение. Вадим Георгиевич, к девочке приходили работники социальной службы. Отец, по их разговорам, после попытки самоубийства дочери официально отказался от опекуна над ней, и теперь они должны оформлять документы на помещение ее в детский дом. Сегодня они заходили ко мне, советовались по поводу проведения консультации в психиатрической клинике, чтобы исключить попытку повторного суицида.

– Спасибо за информацию, – сдержанно поблагодарил Вяземский.

Он прошел по коридору и вернулся в палату к девочке.

– Привет! – произнес он, усаживаясь напротив нее. – Как

настроение, как дела?

Она демонстративно молчала, напряженно разглядывая стену за его спиной.

– Алэн, ты в курсе, что тебя оформляют в детский дом? – теряя терпение, спросил он.

– Мне все равно, – проговорила она, стараясь казаться равнодушной, но зрачки ее расширились. Было видно, что это известие ее неприятно удивило.

– Ты не знала об этом?

– Какая разница?

– Тебе все равно, где жить?

Она нервно сглотнула, но ничего не ответила. Вяземский смотрел на ее хмурое лицо и молчал. После короткой паузы Алена пробормотала, едва разжимая губы:

– Везде люди живут. Выбора все равно нет. – Она уставилась взглядом в окно, чтобы не смотреть на Вадима, который раздражал ее уже одним своим появлением.

Он напоминал ей своим холеным внешним видом киношного героя, от которого исходили волны сумасшедшей уверенности в себе и неотразимого мужского обаяния. Ей не приходилось еще общаться с такими мужчинами. На рынке, где она работала, такие не бывали, да и в школе отцы ее одноклассниц были другими, обычными. И вот теперь этот киногерой словно сошел с экрана, чтобы удобно устроиться напротив нее. Говорит умные и правильные слова. Ей хотелось нахамить ему в ответ, чтобы увидеть, как спадет с него мас-

ка до неприличия интеллигентного человека, когда он разозлится. Ведь не может же быть человек таким хорошим, тем более с ней.

– Алена, выбор есть всегда, – проговорил он устало. – Ты могла бы жить у меня, если бы согласилась, чтобы мы с Жанной стали твоими опекунами.

Она удивленно посмотрела на него и презрительно скриivilась:

– У вас нет своих детей, и вам хочется проблем? А может, вы просто хотите завести какую-нибудь живность, чтобы скучно не было? Тогда лучше заведите собаку. – Она приподнялась с подушки и неожиданно хлопнула себя ладонью по лбу. – А-а, я не подумала! Ведь собаку нужно выгуливать, а у вас наверняка нет времени для этого, поэтому вы решили завести меня? Своего рода экстрим для богатых, да? – презрительно усмехнулась она.

– В каком смысле?

– В прямом. По телевизору показывали, как богатые берут к себе в семью кого-нибудь с улицы и начинают перевоспитывать его, а если не получается, то вышвыривают обратно туда, откуда взяли. Или покупают себе более креативные развлечения – например, жизнь в роли бомжа на несколько дней.

– Извини. Я слышал об этом, но среди моих знакомых таких нет. Алэн, я много работаю, и у меня нет времени на подобную фигню.

– А на неблагополучного подростка вроде меня, значит, есть?

– Ты уже вполне сознательный, взрослый человек. Тебе нужен дом, покой и все, что нужно для нормальной, полноценной жизни. Я смогу тебе все это обеспечить.

– Вы же меня совсем не знаете! Вот приду к вам в дом, и у вас что-то пропадет, вы же на меня будете думать, в полицию сдадите сразу, разве не так?

– Не так. У нас ничего не пропадет. У нас сигнализация. Я сейчас уйду, а ты подумай до завтра о моем предложении. Мы тебя не обидим, ты можешь мне верить.

Ее синие большие глаза смотрели прямо в душу. Она сидела неподвижно и молчала. Девочка с самого момента его сегодняшнего появления в палате видела, что он выглядит уставшим и измотанным. Но вместо сочувствия предпочла наговорить ему кучу дерзостей, не давая возможности своим положительным эмоциям пробиться сквозь броню отчуждения, которую она с таким трудом возвела между ним, его девушкой и собой. Вяземский посидел немного, попрощался и вышел. Соседка, притворяясь спящей, слышала все и, тяжело поднявшись с кровати, засемила к Алене.

– Ох, девка! Не будь дурой, соглашайся, – пыталась она наставить девочку. – Он, по всему видно, мужик хоть и молодой, а серьезный и порядочный и с большими деньгами. Заботливый. Вырастит тебя и выучит. И та, что приходила к тебе, тоже вроде ничего. Притерпишься! Думаешь, в дет-

доме сладко будет тебе? И чего ты взялась пугать его воровством, по тебе видно, что копейки чужой не возьмешь. А он парень видный... Повезло же той девице... – проговорила она задумчиво.

– Видный... Чем безупречнее человек снаружи, тем больше демонов у него внутри, – проворчала девочка. – Это всем известная истина.

– Что бы ты понимала в людях! Господи! Для этого жизнь прожить надо.

– Как же! Жизнь прожить...

– А заботливый какой! – не унималась пожилая женщина и покачала головой. – А ты все нос воротишь, слова доброго не сказала человеку. Он с работы каждый вечер к тебе едет, – продолжала она поучать Алену. – Вторую неделю к тебе ходит, всю палату завалил соками, фруктами. Посмотри!

– А я просила его ходить и все это носить? – заревела Алена, захлебываясь слезами. – Жалееет меня, как убогую какую-то, – всхлипывая, причитала она. – Нужна мне его жалость...

– Что плохого в жалости, глупенькая? Жалость сродни состраданию и сопереживанию. Ладно, поплачь, горемычная. – Она отошла от нее и легла на свою кровать, тяжело вздыхая и охая.

Алена долго еще плакала, шмыгая носом, потом успокоилась и заснула, продолжая всхлипывать и во сне. Проснувшись среди ночи, она долго раздумывала обо всем: о Вязем-

ском, Жанне, о своей матери, которая выгнала ее из дома, о похотливом отчине, не дававшем ей проходу, об отце, который абстрагировался от проблем бывшей семьи. Потом она опять стала думать о матери. Ей было непонятно, почему мать не устраивало в Алене абсолютно все. Угодить ей было невозможно. Все люди на свете, самые чужие и не самые приятные, нравились ей больше, чем собственная дочь. Она злилась на Алenu, когда была трезвая, и не меньше злилась, когда напивалась. Невозможно было найти способ, чтобы угодить ей и добиться ее расположения. Мама всегда была ей недовольна, и Алена это знала и боялась ее. Боялась ее холодного требовательного взгляда. Девочка втягивала голову в плечи, когда мать просто проходила мимо, и если вдруг приближалась к ней, то это могло значить одно – она опять что-то сделала не так и поэтому... От нее постоянно чего-то ждали и требовали. Она всегда старалась все делать так, как надо, но вечно промахивалась, снова получая нагоняи и обязательные оплеухи. Она жила в одном доме с этой женщиной, замерев от страха, не имея права ни на что, даже на этот страх, и мечтала, что когда-нибудь все это закончится, что ее обязательно вызволят, утешат, согреют и станут, наконец, любить. И вот в конце концов нашлись люди, которые собираются увести ее с собой. Ее давно мучила одна мысль, занозой засевшая в голове: она обманывает хороших людей. Они приходят к ней, тратят деньги на продукты и лекарства для нее и даже не подозревают, что делают все это для плохого,

недостойного их внимания человека. Она должна сказать им о том, что на самом деле не такая, как они думают. Она плохая. Она измучилась от подобных мыслей, которые не давали ей покоя. Алена беспокойно ворочалась на постели, пытаясь найти удобное положение, продолжая думать о Вяземском. Он так относится к ней, думая, что она хорошая, а на самом деле все совсем не так. Если бы он знал, какая она, то наверняка его отношение к ней стало бы другим. Стоит ли признаваться в том, что она плохая, или лучше продолжать обманывать их? Как сложится жизнь с ними? Неизвестно. А вдруг он хуже отчима и только с виду такой лощеный? Одно хорошо – что не пьет. Во всяком случае, от него никогда не пахнет перегаром, уж она бы почувствовала. Может, у него есть корыстные помыслы? Какие? Она согласна выполнять всю работу по дому. Пускай так. Может, у нее будет хотя бы сытая жизнь.

К утру, совсем измучившись, она приняла решение, что согласится на то, чтобы Вяземский стал ее опекуном. И даже эта не очень приятная Жанна тоже.

* * *

Узнав о решении Алены, Вяземский обрадовался и успокоился. Ей предстоял еще двухнедельный курс лечения новыми препаратами, после чего полагалась контрольная сдача анализов, рентген, УЗИ и все, что полагается. У него было в

запасе время, и он занялся оформлением бумаг. Ему не пришлось уговаривать Жанну, так как она не изменила своего решения.

По сути, Жанна была против идеи с оформлением опеки над проблемным подростком, от которого неизвестно чего можно ждать в ближайшем будущем. Но она не хотела портить с Вадимом отношения перед регистрацией брака, рассчитывая, что бюрократические проволочки не позволят Вяземскому быстро решить вопрос с опекуном. А там и свадьба не за горами, ведь они уже давно подали с ним заявление в ЗАГС Центрального района, и была уже назначена дата бракосочетания. А после свадьбы можно будет и передумать. Зачем ей нужна эта психованная малолетка в доме? Все выходило как в притче у мудрого Насреддина: либо осел заговорит, либо шах помрет.

Вяземскому пришлось поручить своему адвокату оформление бумаг по вопросу опекуна. Сам он только пару раз лично контактировал со службой опеки и попечительства, всем остальным занимался его адвокат. Определенные денежные суммы и услуги помогли наладить взаимопонимание между Вяземским с его будущей женой и службой опеки, значительно сократив сроки оформления бумаг. За короткое время Вяземский успел задействовать все свои связи и средства, чтобы получить опеку над Аленой. Жанна была в шоке, когда Вяземский сообщил ей, что все проблемы позади. Она никак не рассчитывала, что вопрос с опекуном

решился за месяц до бракосочетания, и теперь пребывала в стрессовом состоянии. На предложение Вяземского поехать забирать Алену из больницы вместе она отказалась, сославшись на срочную работу.

Девочка пробыла в клинике почти месяц с момента госпитализации. С утра Букина принесла ей готовую выписку и справку для школы. Осталось дожидаться Вяземского. Вадим приехал за ней, как договаривались, после обеда. Он вошел в палату, где девочка, ожидая его появления, сидела на кровати с пакетом в руках.

– Привет! Готова? – улыбнулся он, глядя в ее огромные синие глаза, которые были настоящим украшением ее слишком бледного и худого лица.

Она судорожно сжала руками пакет и кивнула головой.

– Молодец! Тогда поехали домой.

Она шла рядом с ним к машине, стараясь смотреть себе под ноги, но он видел ее короткие, настороженные, внимательные, изучающие взгляды, которые она исподволь бросала на него. От клиники до дома на Кировочной, где жил Вяземский, они добрались нескоро, по пути не раз застревая в пробках. Пришлось еще по дороге посетить торговый центр, где они приобрели новую одежду для Алены, так как старая не годилась. Наконец, остановившись перед своим домом, Вадим произнес:

– Ну, вот – это наш с тобой дом.

Алена окинула растерянным взглядом архитектурное со-

оружие, показавшееся ей на первый взгляд излишне темным.

– Дом построен в стиле эклектика. Этот стиль характеризует смешение разнородных архитектурных деталей. Видишь, в фасаде здания использовали колонны, карнизы и балконы, а башня-эркер завершила архитектурный облик улицы и придала зданию аристократичность. Сам по себе дом небольшой. В нем всего шестьдесят девять квартир. Его называют еще «Дом на Кирочной». Слышала? – обратился он к девочке, желая вовлечь ее в разговор.

Алена ничего не ответила, только отрицательно помотала головой. Вяземский усмехнулся, глядя на нее:

– Ты не очень разговорчивая. Ну, ладно. Да, вот еще что: рядом с нашим домом находятся три станции метро – «Чернышевская», «Площадь Восстания» и «Площадь Александра Невского». Это тебе к сведению. Транспортную доступность обеспечивают также Синопская набережная, Тульская улица, Дворцовая набережная. Я выбрал этот жилой комплекс в большей степени из-за развитой инфраструктуры. Здесь есть все, что необходимо для комфортной жизни, причем с учетом различных интересов. Школы, детские сады, поликлиники, рестораны, кафе, фитнес-клубы, салоны красоты – все объекты находятся в шаговой доступности. Рядом находится Таврический сад, Церковь царя Николая и, само собой, набережная Невы. Есть где погулять.

Оставив машину в подземном паркинге, они на лифте

поднялись к себе на шестой этаж.

– Вот мы и дома. – Он бросил на пол сумку, а ключи от машины на полку возле входной двери, заметив, как Алена вздрогнула от резкого звука. – Извини. – Он дотронулся до ее плеча. – Ты раздевайся, проходи, я сейчас покажу тебе твою комнату и всю квартиру.

Алена ходила с ним из комнаты в комнату, поеживаясь от давящего на нее непривычно огромного объема свободного пространства.

– Здесь очень много места... и потолки высокие, – первое, что услышал от нее Вадим.

– Места много. Ты привыкнешь. Вот твоя комната, здесь твоя ванная. Моя спальня напротив. Окно в твоей комнате с видом на Неву. Нравится? – повернулся к ней Вяземский.

– Да. Очень, – сдавленно пробормотала Алена.

– Если мебель не нравится, то можно поменять. Подумай, что ты хочешь. Может, ты цвета предпочитаешь другие?

– Нет. Ничего не нужно. Мне все нравится, – торопливо заверила его девочка.

– Это твое рабочее место. Твой ноутбук. Коробка с учебниками и со всеми школьными делами стоит в прихожей. Я забрал от матери все, что у тебя было. Правда, вещи оставил. Подумал, у тебя будет новая жизнь, значит, должны быть новые вещи. Приводи себя в порядок, разбирай вещи и приходи в столовую. Я пока что-нибудь попытаюсь сообразить в качестве ужина. Потом поговорим обо всем. Можем все об-

судить и за ужином.

– Хорошо. Только давайте я сама приготовлю ужин. Я умею готовить, а вещи я потом разберу.

– Пойдем, – обрадовался Вадим. – Знаешь, у меня с кухней как-то не сложились отношения с самого начала. Вроде все предметы на месте, наверное, руки не те, – обреченно произнес он и усмехнулся.

– Не расстраивайтесь. Мужчины редко готовят.

* * *

Он смотрел на неуклюжего, достаточно высокого подростка с короткой стрижкой на густых светло-русых волосах и несоразмерно длинными руками и ногами. Алена начала резать овощи на салат, и движения ее преобразили. Они словно вдохнули в нее жизнь, сделав ее почти привлекательной. Буквально через несколько минут они уже сидели за столом. Жареная картошка золотилась на тарелках и источала дивный аромат. Греческий салат представлял собой смесь ярких, контрастных цветов и благоухал запахами свежей зелени.

– М-м-м! Вкусно! – похвалил ее Вадим.

После ужина Вяземский решил поговорить с девочкой.

– Алена! С этого дня мы начинаем жить вместе. Я не имею опыта общения с детьми, но, думаю, мы с тобой поладим. Ведь ты согласишься со мной, что мы не должны доставлять

неприятностей друг другу. Напротив, мы должны с тобой постараться сделать нашу совместную жизнь по возможности комфортной для обоих. Я понятно излагаю? – обратился он к Алене.

– Да. Понятно, – почти деревянным голосом сообщила она, замороженно глядя в его темные, бархатные глаза. – А как же Жанна? – робко поинтересовалась она.

– Жанна? Жанна будет приходить, иногда оставаться, а переедет сюда окончательно после свадьбы. Это ее решение, и я с ним согласился. – Он старался говорить спокойно и уверенно.

Говорить о том, что Жанна проявила сегодня саботаж и не поехала в больницу намеренно, он не хотел. Он был уверен, что она одумается в ближайшее время и обязательно позволит. И тогда все наладится. Ну, а если этого не произойдет... Вадим потрянул головой, желая избавиться от посторонних мыслей. Он видел недоверчивый и внимательный взгляд девочки, но решил продолжить разговор.

– Давай пока оставим эту тему. Я тебе сейчас скажу о своих требованиях, ты можешь с чем-то не согласиться. Это твое право. Ты должна учиться и по возможности следить за порядком в доме. Убираться приходит к нам Тамара Ивановна только раз в неделю. Раньше меня это устраивало. Никаких алкогольных напитков, сигарет, наркотиков, поздних возвращений, сомнительных компаний и бесцельного времяпрепровождения быть не должно. Согласна?

– Согласна.

– Отлично, – довольно улыбнулся он. – Работу на рынке отныне ты оставляешь. – Увидев протест в ее глазах, он добавил: – У тебя будут карманные деньги. Расходы по школе, приобретение одежды и остального я беру на себя. Вопросы. – Он внимательно смотрел на нее, ожидая вопросов.

– Вопрос есть. Вы вот сейчас все озвучили... Что я должна буду делать за это? – с опаской глядя на него, спросила она и нервно сглотнула.

– Ты должна учиться без претензий со стороны администрации школы, соблюдать перечисленные правила. Поддержание порядка в течение недели и ужин тоже за тобой, – закончил он с улыбкой.

– И все? – Ее большие глаза стали еще больше.

– Тебе этого мало? У тебя восьмой класс, большой объем изучаемого материала, – в свою очередь удивился Вадим. – Если ты со всем согласна, то мы с тобой поладим, во всяком случае, мне бы этого очень хотелось. Теперь в отношении продуктов. Продукты будем покупать вместе в выходной день, чтобы тебе не нужно было самой таскать сумки, потому что в будние дни у меня на это времени не будет. Так как готовить будешь ты, то и определять набор продуктов тоже будешь ты. Пиши списки. Если что-то будет нужно еще, купишь сама. У меня все. Возникнут вопросы в процессе учебы – обращайся за помощью, не стесняйся. Математика, физика, английский – с этим у меня полный порядок.

– Спасибо. – Она несмело улыбнулась.

– Кстати, как у тебя со школьными делами? Репетиторы нужны или сама справишься? Ты сейчас целый месяц школьных занятий пропустила. Будет трудно.

– Думаю, что справлюсь сама. Вот только ноутбук...

– Там ничего сложного, я тебе все покажу. У вас же есть информатика. Основы ты знаешь, остальное освоишь.

– Хорошо! Как мне к вам обращаться?

– Можешь по имени.

– Хорошо, Вадим.

– У вас каникулы скоро начнутся.

Она кивнула головой.

– Чем думаешь заниматься?

– Я не знаю пока. Наверное, позанимаюсь. Нужно наверстать то, что пропустила.

– Я подумаю, как организовать твои каникулы. Можно бы-ло бы съездить куда-нибудь, но за такое короткое время мы не успеем сделать тебе заграничный паспорт. А твой лечащий врач Татьяна Петровна считает, что тебе полезен морской воздух. Слушай, а может, на Новый год махнем в Сочи? Там сейчас столько спортивных комплексов начали строить к Олимпиаде! Развлечений, я думаю, там тоже достаточно.

Алена смотрела на него спокойно и настороженно. Вяземский понял, что она не верит ни одному его слову.

– Алэн, я постараюсь разделаться со всеми делами и найти время для поездки. Жанна тоже поедет с нами.

Новая одежда и белье аккуратно перекочевали в шкаф и ящики комода. Книги заняли свои места на полке. Алена присела на кровать и огляделась вокруг. Она даже мечтать не могла о такой комнате и такой красивой одежде.

Вадим постучался к ней:

– Ален, к тебе можно?

– Конечно, – удивилась она, подскакивая с кровати. Дома ее никогда не спрашивали об этом, распахивая дверь в любой момент.

– Устроилась? – с улыбкой спросил Вадим. – Это тебе на карманные расходы. – Он положил деньги на стол. – Если понадобятся еще – скажешь.

– Не надо. Мне ничего не нужно, – отчаянно замотала она головой.

– Тебе в школу придется теперь ездить на транспорте, да и вообще, мало ли на что еще могут понадобиться деньги.

– Спасибо, – едва слышно пробормотала она.

– Ну, спокойной ночи. Ален, не расстраивайся, со временем ты привыкнешь ко мне, к дому. Все будет у нас хорошо.

Алена посмотрела на закрытую дверь и вздохнула. День показался ей ужасно долгим и насыщенным событиями и ощущениями. Лежа в чистой постели, Алена радовалась, что их с опекуном первый день закончился вполне благополучно. Что принесет им следующий день, не мог знать никто.

Вяземский, как и обещал, оставил дела, и в канун Нового года они с Аленой вылетели в Сочи, где сразу по прилете окунулись в атмосферу безмятежного отдыха и предстоящих праздников. Он вспомнил о Жанне и вздохнул. Она была против совместной поездки в Сочи, предлагая вдвоем отправиться в Индию, на Гоа, где в зимний период начинается самое туристическое время, можно сказать – бархатный сезон. Что может быть лучше, чем поваляться зимой на белом песке пляжа Агонда или Палолем и купаться в прозрачно-голубых водах Индийского океана, конкретно – Аравийского моря? Но никакие привлекательные доводы, приводимые Жанной, на Вяземского не возымели никакого действия. В результате на Гоа она решила поехать одна. Вадим сердился на Жанну и на то, что она не понимает таких очевидных вещей. Он обещал Алене поездку и не мог не сдержать слова. Накануне отъезда он позвонил Жанне, чтобы попрощаться, попутно сообщив ей о том, что уезжает в Сочи и в рождественские каникулы его в Питере не будет, на что та в ответ обиженно надула губы:

– Значит, для тебя Алена важнее, чем я? Я, по-твоему, должна праздники встречать одна?

– Жанна, не говори глупостей и не пытайся мной манипулировать. Ты знаешь, что дорога мне, но ты взрослый чело-

век, а она маленькая, несчастная, запуганная девчонка. Нам необходимо побыть вместе, чтобы привыкнуть друг к другу. Было бы отлично, если бы ты поехала с нами. Пойми, я не могу иначе.

– Вяземский, мы вчера с Игорем сидели и говорили о тебе, – поделилась новостью Жанна, зная, что ему будет это неприятно. – Он удивлен, что ты перед свадьбой едешь куда-то один. Игорь тоже считает, что ты взял ее, как бездомного щенка, и теперь пытаешься приручить его, но девочка не щенок. Она человек. Когда тебе вся эта возня с ней надоест и ты ее выдворишь из дома, для нее это будет трагедией.

– Послушай, что означает это «тоже»? Значит, сейчас ты уже передумала, хотя раньше была согласна со мной. – Вадим, как ни старался, не смог сдержать своего недовольства. – Я смотрю, Игорю больше нечем заняться, как только обсуждать с тобой меня? По-моему, у меня слишком много развелось заместителей и становится меньше друзей. Я подумаю над этим вопросом.

– Вадим, перестань! Я просто поделилась с Игорем своими мыслями, когда он приходил выбирать новогодний тур для семьи. Посидели, поговорили – и все. Могу я поделиться своими мыслями с твоим другом?

Вадим слушал ее и злился на несправедливые замечания и непонимание близкого человека.

– Вот как? Я не думал, что нужно обсуждать наши с тобой отношения с кем-то еще. Все, что между нами происходит,

касается только нас с тобой. – Он помолчал и с огорчением в голосе добавил: – Ты совсем не понимаешь меня. Если ты так уверена в том, что говоришь, то нет смысла переубеждать тебя. Я уезжаю завтра. Приеду – позвоню.

Сейчас, вспоминая об этом, Вадим вздохнул так тяжело, что Алена взглянула на него с тревогой.

– Вам плохо? – участливо поинтересовалась она.

– Все нормально. Сейчас возьмем такси и поедem в отель.

– Далеко еще ехать?

– Нет. Всего двадцать пять километров. Приедem и будем отдыхать. У нас отличный люкс с двумя спальнями. – Он хоть и улыбался ей, но у самого на душе кошки скребли, и Алена это сразу заметила.

– Переживаете, что Жанну оставили одну? Может, лучше вернуться?

– Ну, что ты! Если приехали, то будем отдыхать. Тем более, она едет на Гоа.

Алена вздохнула и задумалась. Ей стало грустно оттого, что она стала причиной расставания Вадима со своей девушкой. Ее душу стало привычно обволакивать чувство вины. Правда, это продолжалось недолго, до тех пор, пока из окна автомобиля она не увидела море. Оно показалось с левой стороны, серебром отливая на солнце, и душа ее мгновенно наполнилась восторгом.

– Море! – произнесла она отрывисто и замерла в восхищении.

– Вот видишь, только из-за одного этого стоило ехать, – уверенно произнес Вадим и рассмеялся.

Они жили в прекрасном семнадцатипятиэтажном отеле «Жемчужина», который раскинулся со своими уникальными парками с тропическими растениями на первой береговой линии Черного моря, в центральной части города. Все праздничные дни здесь работала детская и взрослая анимация и проходили вечерние шоу-программы, так что скучать отдыхающим не приходилось. Рядом с отелем находились концертный зал «Фестивальный», ботанический парк «Дендрарий», музеи и театры, но на посещение всех этих культурных объектов времени не хватило. Вадим повсюду ходил с Аленой, давая девочке возможность приобщиться к светской жизни. Надо отдать ей должное, она обладала природным тактом, вела себя естественно, не давая поводов Вадиму испытывать чувство неловкости за нее. Она даже сумела преодолеть свой страх перед посещением ресторанов, где еще никогда не бывала. Ресторан «Хрустальный», где они были постоянными гостями, уже не казался ей таким ужасным местом.

– Не переживай, здесь все как в обычном заведении общественного питания. Этот ресторан рад новым гостям и старым знакомым. За наше доверие к нему он платит вот этой уютной обстановкой, качественной и вкусной пищей и морем хорошего настроения, – с улыбкой подбодрил ее Вяземский.

– Мне было страшно первый раз войти в ресторан, – смущенно призналась Алена.

– Со мной никогда и ничего не бойся, – ответил он и впервые увидел доверие в ее взгляде.

– Мне еще так страшно бывает, когда я захожу в наш подъезд и вижу лицо консьержки. У нее всегда такое выражение лица... – неожиданно призналась Алена и поежилась.

– Что? – удивился Вадим. – Зачем тебе вообще думать об этом? Если ей что-то нужно, она скажет тебе об этом сама. Даже если выражение лица консьержки как-то связано с тобой, все равно пусть скажет тебе об этом сама. Ты не обязана думать про это. И вообще, оставь привычку догадываться о настроении других людей по голосу, по выражению лица: ты всегда ошибешься не в свою пользу. Либо спрашивай прямо, что конкретно не так, либо оставь им их настроение: захотят – расскажут сами. Понятно?

– Понятно, – вздохнула девочка, раздумывая над его справедливыми замечаниями и соглашаясь с ними.

Они много общались, подолгу обсуждали просмотренные вместе фильмы и книги, которые были знакомы обоим, выясняя в процессе обсуждения, что у них одинаковые вкусы и пристрастия, что способствовало их эмоциональному сближению. Они постепенно привыкали друг к другу. Он понимал, что чувствует эта девочка, потому что сам когда-то вынужден был пережить подобное, только ему было проще: он тогда был старше сегодняшней Алены, впереди маячила

близкая свобода в виде университета, и у него не было материальной зависимости от матери. Отец оставил ему приличные деньги и квартиру. Он смотрел на Алену и за внешним ее спокойствием и респектабельным видом чувствовал, что внутри нее живет маленькая, испуганная, недоверчивая девочка. Вадим надеялся, что со временем она оттает, главное – не торопить ее. Десять дней пролетели как один. Отдых закончился, и настала пора собирать вещи и прощаться с морем по заведенному ритуалу. Самолет на Санкт-Петербург летел вечером. Они вернулись в Питер, прибыв в аэропорт строго по расписанию. Вадим взглянул на часы, когда садился в такси, и, обернувшись к Алене, пошутил:

– Мы успеем вернуться домой еще до наступления полночи, как требовалось в одной известной сказке.

– Не смейтесь! В сказках много всяких правильных предупреждений, – серьезно ответила Алена.

– Да? Каких же?

– Например, «никогда не разговаривай с незнакомцами»!

– Это откуда? Подожди, вспомню! «Красная Шапочка»?!

– Вы хорошо знаете сказки, – с улыбкой отметила Алена. –

Будет что рассказать своим детям.

– Наверное, а пока могу рассказать тебе.

Алена хмыкнула:

– Вот еще! Приберегите лучше их для Жанны.

Вяземский заметил, как водитель такси спрятал улыбку, и повернулся к Алене.

– Это прикол такой? – спросил он, но она промолчала.

Старый Новый год они уже встречали вместе с Жанной у себя дома. Личные дела Вяземского наладились сами собой, во всяком случае, так думал он. Его невеста так не думала, но своими мыслями она не собиралась делиться с ним. У Жанны было время подумать обо всем спокойно, без эмоций. Она поразмыслила на досуге и поняла, что ее обиды не возымели на Вадима никакого действия. Пророчества мамы о «ночной кукушке» почему-то не сработали – либо она плохо старалась, либо Алена прельстила его чем-то другим. Девчонка по-прежнему жила у Вадима, и, похоже, ей здесь нравилось. Было еще одно нерадостное открытие: Вяземский поступал и поступает так, как считает нужным, и, скорее всего, так будет всегда. Жанну такой вариант отношений не устраивал, и она решилась на крайние меры. Она предложила Вяземскому устроить девочку в другом месте, пусть даже у ее пожилой соседки, а заодно перенести дату регистрации их брака на то время, когда решится вопрос с переселением Алены. Вадима такие жесткие условия невесты привели в замешательство, а потом, подумав, он согласился оставить все до более благоприятных времен.

Над первой частью ее предложения он обещал подумать, а вот со второй – согласился сразу и даже взял на себя решение данного вопроса. Они продолжали встречаться, но энтузиазм Вяземского со временем начал заметно таять.

Глава 2

Шли дни, сменяя друг друга. Алена жила в доме Вяземского уже два с половиной месяца. Поначалу девочка относилась к нему настороженно, но со временем успокоилась. Он много работал, часто проводил вечера с Жанной, но большую часть времени все-таки уделял Алене. Он окружил ее заботой и вниманием. Общась с девочкой, не забывал интересоваться ее школьными делами. У них бывали совместные походы в кино и кафе. Он часто брал ее с собой в спортивный клуб, пытаясь заинтересовать ее занятиями на тренажерах, но Алена осталась к ним равнодушной. Вадим познакомил ее со всеми своими друзьями, которые почти все были старше его по возрасту, и у всех давно были семьи. С друзьями у Вадима иногда случались семейные посиделки, и Алена тоже теперь принимала в них участие.

Постепенно она стала привыкать к Вяземскому и к своему новому образу жизни. Никто теперь не кричал на нее, не одабривал тумаками, не унижал, и тем не менее она часто вспоминала свою прошлую жизнь. Ей не хватало общения с матерью. Не того грубого, оскорбительного, которое отдалило их друг от друга, а нормального, основанного на уважении и любви. Детская привязанность и потребность в женской фигуре рядом у Алены оставалась до сих пор, и тут уж ничего не поделаешь. Психологи утверждают, что преодолеть все

это можно только при одном условии, что любовная связь матери и ребенка по какой-то причине вдруг распадется, но у Алены так не случилось. Связь с матерью распалась, а привязанность, вопреки законам психологии, осталась.

Однако ей помогло справиться с этой проблемой то обстоятельство, что в ее жизни появился достаточно активный, эмоциональный, открытый мужчина – Вадим Вяземский. Он неизменно проявлял по отношению к девочке такое дружелюбие, терпение, внимание, такт и заботу, что она постоянно пребывала в зоне эмоционального комфорта. Ее настойчивость и недоверие уступили место крепкой дружеской привязанности. Их отношения хоть и стали более открытыми, но им еще только предстояло узнать друг друга. Жизнь Вяземского и Алены постепенно начала входить в свою колею. Им пришлось приложить немало усилий в начале совместной жизни, чтобы организовать и наладить по-новому свой быт, выяснить привычки друг друга, а когда проблемы, связанные с этим, сами собой разрешились, то обеспечили обоим в дальнейшем вполне уютную и комфортную жизнь. Оба поняли: ради этого стоило постараться. Главное для обоих заключалось в другом: их привычки не тяготили и не напрягали друг друга, и это здорово облегчало им жизнь.

Вадим старался не оставлять девочку без внимания надолго. Он неизменно связывался с ней по сотовому телефону в течение дня, но сегодня все было не так, как обычно. Мобильник Алены долго не отвечал, и он начал волноваться.

Вяземский несколько раз набирал номер городского телефона, будучи уверенным, что Алена уже должна была прийти из школы домой, но и тот не отвечал. Он вышел из здания главного офиса и направился к своей служебной машине.

– Поехали на рынок, – бросил он водителю и в ответ на его удивленный взгляд добавил: – Надо кое-что проверить.

Пройдясь по рыбному ряду, он увидел Алenu. Возле нее стояли покупатели, и она бойко помогала им выбирать товар. Вадим решил понаблюдать за ней и встал в конец очереди, терпеливо дожидаясь, когда подойдет к прилавку.

– Купите семгу, рыба свежая, посмотрите, какого цвета у нее жабры, – охотно предлагала она товар очередному покупателю, давая совет со знанием дела.

Прошло не менее получаса, пока он не оказался возле Алены. Он успел подмерзнуть в своих ботинках офисного типа на тонкой подошве, не рассчитанных на то, чтобы стоять в них на улице, да еще в холодную, пусть даже и мартовскую, погоду. Его настроение, как и погода, давно ушло в минус. Он сверлил Алenu сердитым взглядом, но она из-за большого наплыва покупателей ничего не замечала. Вяземский чувствовал, как внутри поднималась волна раздражения, готовая в любой момент выплеснуться наружу. Воспитательный момент приближался. Он уже подошел к самодельному прилавку. Она скользнула взглядом по дорогому пальто покупателя и тут же вежливо спросила:

– Мужчина, а вы какую рыбу предпочитаете?

– Форель, запеченную в духовке, – раздраженно бросил он.

Очередь тут же отреагировала смехом и остротами:

– Вот фронт какой! С такими пожеланиями в ресторан идти нужно, а не на рынок.

Она подняла на Вадима глаза и от неожиданности выронила из рук маленький калькулятор.

– А я все думал, что у меня глюки и мне мерещится рыбный запах в шкафу по вечерам. Оказывается, с обонянием у меня все в порядке.

– Извините. Я пакет с рабочим пуховиком каждый день на лоджию убирала, – виновато пролепетала Алена.

– Мы с тобой о чем договаривались? – хмуро произнес Вяземский и, не дожидаясь ответа, добавил: – Быстро в машину. Она на стоянке.

– Мужчина, вы рыбу брать будете? Не задерживайте других!

– Мне переодеться нужно и деньги сдать, – наконец еле слышно пробормотала она.

– Только быстро. Я жду.

На возмущенные голоса покупателей вышел хозяин торговой палатки. Среднего роста мужик, плотный, густо заросший темной растительностью на голове и лице.

– Алена, рабочий день, куда ты?

– Азат, за мной приехали.

– Э-э! Кто приехал? У тебя работа! Алена! Я тебе плачу,

и хорошо плачу!

– Ты в курсе, что ей только четырнадцать исполнилось? – грозно спросил его Вадим.

– Э-э! Какой четырнадцать? Ей шестнадцать давно. Зачем говоришь так? Она у меня год торгует, семью кормит. Мать пьет, и отчим не работает. Она всех одна тянет. Ты ей платить будешь? Да? – возмутился Азат.

Алена от его слов смутилась до слез и вжала голову в плечи.

– Это мое дело. Работать она у тебя больше не будет, – сухо бросил Вяземский, смерив работодателя Алены спокойным и твердым взглядом.

– Вот! Зачем так грубо? Зарплата маленькая? Я прибавлю ей. Она мне выручку хорошую делает. Сколько хочешь? – Азат все больше распалялся. Его мясистые губы были растянуты в улыбке, а черные глаза сверкали праведным гневом.

Алена тем временем переделалась в новый пуховик, аккуратно сложив старый в пакет, и вышла из палатки. Она отдала выручку Азату и, дожидаясь, пока он пересчитает купюры, встала возле Вадима.

– Готова? Пойдем в машину.

– Алена, я буду ждать. Ты хорошо работаешь. Приходи, когда сможешь, – крикнул он девочке на прощание.

В машине Вадим продолжал ее отчитывать, но потом запал угас, и он спокойно решил прояснить для себя:

– Я не понял, у тебя времени свободного много? – Он

оглянулся и строго посмотрел на нее. – Я найду, чем тебе заняться. Поехали в школу искусств, – сказал он водителю. – На Парадной, где мы были на той неделе.

– Я уже по возрасту опоздала туда...

– Ничего, – не оборачиваясь, пробормотал Вяземский. – Это частная школа. Индивидуальные педагоги. Я узнавал.

В здание школы они вошли вдвоем. Не спрашивая ее согласия, он записал ее в студию обучения игре на фортепиано. Алена хотела возразить, но, увидев выражение его лица, благоразумно промолчала. Они молчали и всю обратную дорогу до дома. Алену высадили возле подъезда, и она стояла на тротуаре, глядя вслед удаляющейся машине, до тех пор, пока джип не скрылся за соседним домом. Потом девочка обреченно вздохнула и вошла в подъезд. Только сейчас Алена почувствовала, как сильно устала и замерзла, а тут еще начали отходить замерзшие на морозе руки, и она сморщилась от боли. Она привычно потерла их друг о друга и, сжав в кулачки, поднесла к губам. Пальцы плохо слушались, с трудом удерживая ключ. Наконец-то она попала в благословенное тепло дома. До вечера она успела отдохнуть, сделать уроки и приготовить ужин.

* * *

Услышав мелодичную трель дверного звонка, Алена пошла и открыла замок. Вадим вошел, и по выражению его

лица было непонятно, будет он ее и дальше воспитывать или нет.

– Привет! Как дела? – бодро спросил он как ни в чем не бывало.

– Нормально. Уроки сделала. Ужин готов, – отрапортовала Алена, не поднимая глаз.

– Молодец! Можешь накрывать на стол, я пока в душ.

Усаживаясь на свое место за столом, он с удивлением впери́л свой взгляд в тарелку:

– Это что?

– Форель, запеченная в духовке под сырным соусом, – терпеливо пояснила она и села напротив него. – Вы же сами сказали, что вам нравится запеченная форель.

– Сказал. Но я уж не думал, что ты воспримешь все так буквально. Спасибо.

Он посмотрел на нее и, накрыв ее руку своей рукой, проговорил, волнуясь:

– Ален, должен тебе сказать... Прости. Я был с тобой груб сегодня. Вел себя как болван и деспот. Наговорил тебе всего, а потом сам переживал весь день, – проникновенно произнес он. – Ты тоже должна меня понять, тем более, у меня есть некоторые извиняющие обстоятельства.

Она посмотрела на него и тепло улыбнулась:

– Я поняла и не обиделась.

– Выслушай меня. Я, как твой опекун, переживаю за тебя и несу определенное бремя ответственности. Я должен

тебя воспитывать и предоставить нормальные условия для жизни. Думаешь, я ничего не понимаю? Я признаю, что у нормального четырнадцатилетнего подростка идет активный процесс сепарации, он хочет все решать сам и ему нужно давать такую возможность, за исключением вопросов жизни и здоровья.

– Хорошо, я все поняла. Только воспитывайте, пожалуйста, без фанатизма.

– Согласен. – Он усмехнулся, вспоминая советы психолога, которому звонил днем. – Не хочу, чтобы ты так бездарно тратила свое здоровье. После пневмонии тебе следует побережся. Тебе учиться нужно. Читай, смотри фильмы. Наверстывай то, что упустила.

Он помолчал и начал с аппетитом есть, потом ему в голову неожиданно пришла очевидная мысль, и он, положив приборы в тарелку в знак «паузы», поинтересовался:

– Подожди, может, тебе нужно больше карманных денег, чем я даю, и ты поэтому опять пошла на рынок?

– Нет. Мне хватает.

– Ален, может, тебе нужны какие-то вещи, так ты скажи... Поедем и купим, в чем проблема? – Он кинул на нее внимательный взгляд и, слегка наклонив голову, приготовился выслушать ее.

– Вадим! Да столько вещей, сколько вы мне купили, у меня никогда не было. Просто... Просто те деньги, что зарабатываю на рынке, я отдаю маме, – несмело добавила она, ви-

новато глядя на него.

– Твоя мама может работать сама, но она предпочитает пить.

– Все не совсем так. – Пара слезинок, скатившихся по ее лицу, упали в тарелку. – Просто она больна. Это сильнее ее. Я знаю.

Вадим положил подбородок на согнутые в локтях руки.

– Ты часто ходишь туда?

– Раз или два в неделю. – Она увидела недовольный взгляд Вадима и предприняла отчаянную попытку оправдаться: – Вадим, я только готовлю им и сразу уйду. Если не будет еды, они совсем пропадут.

– Твою мать нужно лечить. Поговори с ней. Я договорюсь с платной клиникой, оплачу лечение. – Он дотронулся до ее руки.

– Нет. Она не соглашается. Я пробовала уже говорить об этом, но все заканчивается бранью, слезами... – Она безнадежно махнула рукой.

– Значит, остается только принудительное лечение. Я подумаю, что можно сделать.

– Вадим, давайте потом... Иначе она обидится на меня окончательно. – Алена умоляюще смотрела на него.

– Как ты не поймешь, сама она не остановится. Ее не остановила даже возможность лишиться родительских прав. Если бы твой отец не оформил опеку, ты бы давно жила в детском доме, – терпеливо пытался объяснить он.

– Я знаю, – прошептала она. – Только и отцу я не нужна. У него другие дети, другая жена, которых он любит.

– Не расстраивайся. Тебе просто не хватает материнской любви. Мне тоже этого не хватает, но я же живу. Теперь нас двое таких. Мы с тобой одной крови, помнишь, как в мультике?

– «Маугли». – Она несмело улыбнулась.

– Будем заботиться друг о друге. Я буду зарабатывать деньги, а ты будешь готовить нам еду. По-моему, равноценно! Выживем! – Он неожиданно поймал себя на мысли, что больше не связывает свое будущее с Жанной. Он задумался.

– Вадим, а ваша семья где живет? – Она смахнула слезинки с ресниц.

– Семья? – очнулся он. – Родители давно развелись, когда мы с братом были еще маленькими, и поделили нас.

– Как это? – удивилась Алена.

– Ну как? – переспросил он, вооружаясь столовыми приборами. – Я остался с отцом, а младшего брата забрала мать. Отец так и не женился, но с нами жила бабушка. Она была замечательной женщиной. Отца нет, он давно умер, и бабушки уже нет. Мать живет в Москве с младшим братом. Она так любит его и балует, что ей не до меня. Ей всю жизнь было не до меня. Я помогаю им деньгами, потому что они оба не работают. Каждый месяц. Но никаких других отношений, кроме денежных, между нами нет. Я давно понял: людям опасно доверять. Сегодня они клянутся в верности и

честности, а завтра тебе в спину летит нож. И нисколько не удивляет, что этот самый нож всадит тебе твой самый родной человек. Потому что он знает, где тебе больнее всего... Вообще, Алэн, давай закроем эту тему. Я не хочу говорить больше об этом. Может, потому, что еще не отболело? Наверное, с годами я посмотрю на эту ситуацию с другой стороны. – Он снова принялся за еду.

– Мне жаль, что все так сложилось у вас.

– Мне тоже.

– Вадим, а почему вы решили записать меня в музыкальную студию?

– М-м-м, – промычал он от удовольствия. – Как вкусно. Слушай, а тебе самой разве не хочется научиться играть на фортепиано? Это же так здорово! – ухмыльнулся он. – Знаешь, я где-то прочитал фразу, правда, не помню где: «Музыка – это следы, по которым можно вернуться в разное время жизни».

– Красиво!

– Да! Кстати, ты можешь записаться на танцы, например испанские, если хочешь, конечно. Заметь, я не настаиваю. – Он улыбнулся.

– Я подумаю, – вздохнув, сказала Алена. – Можно?

– Подумать? Можно. Только недолго.

– А вдруг у меня ничего не получится?

– Наши сомнения, Аленка, самые главные наши враги.

Они заставляют нас порой отказываться от своей мечты, те-

рять то, что мы, возможно, могли бы приобрести для себя, если бы не боялись попробовать. Так что пробуй, дерзай и ничего не бойся.

– Хорошо, я попробую, – пообещала она.

– Если ты поела, расскажи, как у тебя дела в школе?

– Нормально. – Она неопределенно пожала плечами. – Все как всегда.

Алена убрала со стола тарелки и столовые приборы и поставила чайные чашки. Она разлила по чашкам чай и придвинула одну из них Вяземскому.

Он задумался, глядя внимательно на девочку и машинально размешивая ложечкой сахар в чайной чашке.

– Сначала все меня сторонились и презирали из-за того, что одета хуже всех была, денег не было. Семья такая неблагополучная, даже несмотря на то, что учусь хорошо... А теперь...

– Что теперь? Теперь у тебя дорогие модные вещи...

– Вот-вот. Теперь мне завидуют и ненавидят.

Вадим задумался.

– В Дегтярном переулке есть школа номер сто семьдесят четыре, но она далековато от дома. Может, тебе лучше перейти в лицей, который в соседнем дворе? Он намного ближе. Все равно твоя сто девяносто третья школа теперь далеко от дома. Поверь, там все будет по-другому. Там тебя примут такой, какая ты сейчас. А на будущее запомни: будь тем, кто ты есть, а не тем, кем хотят тебя видеть другие.

– Не хочу никому ничего о себе рассказывать. Мне все равно, нравлюсь я кому-то или нет.

– Тебе не обязательно что-то рассказывать о себе. Людям интереснее всего они сами. Есть золотое правило, пользуясь которым можно расположить к себе любого человека. И звучит оно так: «Заставьте собеседника понравиться самому себе».

Алена недоверчиво посмотрела на Вяземского.

– Мы все слишком заняты собой и очень мало интересуемся другими людьми, которых встречаем в разное время своей жизни, – продолжал увлеченно он. – Но для того, чтобы понравиться людям, нужно искренне ими интересоваться. Ты заведешь больше друзей за два месяца, если будешь проявлять неподдельный интерес к людям, чем за два года попыток заинтересовать их своей персоной.

– Я никогда не пыталась никого заинтересовывать своей персоной. Вадим, в школе это не сработает.

– Не может быть. Люди одинаковы.

– Мы не люди, мы подростки, – вздохнула девочка.

– Ты не права, котенок. С людьми важно разговаривать об их делах, чтобы завоевать их расположение. Попробуй искренне интересоваться тем, что читают твои одноклассники, какую музыку слушают, какие фильмы смотрят, чем занимаются в свободное время, где отдыхают, о чем думают, и внимание, подчас неосознанное, с их стороны тебе будет обеспечено.

– Вадим, понимаете, если ко мне так будут приставать с расспросами, я...

– Пройдет время, ты успокоишься, и все наладится, поверь. Ты ко многому будешь относиться иначе, чем теперь. Сейчас у тебя все еще состояние посттравматического шока. Оно проходит не сразу, для этого нужно время. – Он помолчал. – Поговорим о лицее? – снова предложил Вадим.

– Лицей платный. Нет. Я не согласна. Тем более, осталось потерпеть немного. После девятого класса я уйду в училище.

– Не понял. Куда ты уйдешь? – изумленно переспросил Вадим, думая, что ослышался, при этом слегка наклоняясь к ней.

– В медицинское училище. Там можно учиться и работать.

– Торговать на рынке рыбой? – скептически улыбнулся он, взглянув ей в глаза.

Алена широко распахнула свои бездонные синие глаза и нервно сглотнула.

– А разве это так стыдно? Я думала, стыдно воровать, стыдно торговать своим телом, стоять вдоль дороги, предлагая всем свои услуги...

– Извини, – опешил Вадим. – Ты права, но ты, безусловно, достойна большего.

– Большого? – язвительно произнесла она. – Мне просто повезло, что меня подобрали именно вы. Хотя я до сих пор не понимаю, почему вы это сделали?

– Что «это»?

– Ну, опеку оформили. Вы тратите на меня свое время, деньги, все мне покупаете, возите меня отдыхать и ничего не требуете взамен.

– Ты забыла? Мы с тобой одной крови. Фактически мы с тобой семья. Свои люди. А своим всегда нужно помогать и любить просто так. Когда-нибудь ты мне поможешь. Ведь подашь мне стакан воды?

Алена скептически улыбнулась:

– Вы не скоро состаритесь. Вы долго будете молодым и сильным.

– Льстишь, но приятно, – усмехнулся он. – Так что ты там о работе говорила?

– О работе? Ах, да! – оживилась она. – Студентам медицинского училища можно работать в больнице санитарями. Мне девчонки-медсестры сказали, когда я в больнице лежала.

– Тебе нравится медицина? – удивился он.

– Мне нравится. Помогать людям – это здорово. Ведь они в большинстве своем хорошие.

– Н-да? Может быть. Тогда тем более тебе нужно перевестись в лицей. А поступать ты будешь в медицинский университет. Я тебе помогу.

– Вадим! Я хотела, чтобы...

– Вот почему человек всегда все делает наоборот? Сначала он спешит стать взрослым, а потом вздыхает о прошед-

шем детстве. Тратит здоровье ради денег и тут же тратит деньги на то, чтобы поправить здоровье. Думает о будущем с таким нетерпением, что пренебрегает настоящим, из-за чего не имеет ни настоящего, ни будущего. Так и ты. Прошу тебя, слушайся меня. Я тебе плохого не посоветую.

– Я знаю. Только у вас должна быть своя жизнь, а я... Я только буду мешать вам.

– Мы теперь с тобой живем вместе, и я несу за тебя ответственность, – улыбнулся он. – Спасибо за ужин. Все было очень вкусно. Вообще, ты молодец.

Алена зарделась от его похвалы и довольно улыбнулась:

– Вадим, я много чего умею готовить. Меня наша соседка, Галина Дмитриевна, научила. Я часто по вечерам бывала у нее, когда нужно было переждать момент, то есть спрятаться, – пряча неловкость, пробормотала она.

– Теперь все позади. Тебя никто не тронет. Но твоя основная задача не кухня, а учеба, – произнес он с улыбкой.

– Я все успею. Я постараюсь не доставлять вам хлопот.

– Вот и отлично! – проговорил Вадим и прошел в гостиную, где включил телевизор.

Алена навела порядок на кухне и отправилась в свою спальню, по пути заглянув в гостиную:

– Вадим, спокойной ночи!

– И тебе, котенок, приятных снов!

Алена в ответ на его пожелание шутливо передернула плечом.

Вяземский переключился на канал НТВ, чтобы посмотреть последний выпуск новостей, но вместо этого сидел и вспоминал разговор с психологом. Он познакомился с ней в больнице, когда та приходила к Алене. Вернувшись сегодня в офис после посещения рынка, он чувствовал раздражение от общения с Аленой, поэтому предпочел посоветоваться со знакомым специалистом. Она напомнила о том, о чем ему и без нее было известно. Ведь ни для кого не является секретом, что в геометрии общения существуют две позиции, из которых происходит диалог: вертикальное общение и горизонтальное общение. То, что происходит сейчас у них с Аленой, – это естественный процесс обесценивания, который часто имеет место у подростков, желающих выйти из вертикальных отношений в горизонтальные. Ничего необычного в этом нет. Алена не одна такая. Ее поведение – результат естественного этапа роста подростка. Поэтому однажды у них возникает желание уйти в «самостоятельное плавание» и почувствовать собственную автономию, устранившись от вертикального родительского доминирования. Ведь он, по сути, сейчас выступает для нее в роли отсутствующего родителя.

С маленьким ребенком проще. Для него родители представляются практически богами или волшебниками, являясь одновременно источником рога изобилия и благ цивилизации. Они обеспечивают его пищей, теплом, материализуют вещи, и здоровый ребенок заинтересован в том, чтобы роди-

тели о нем заботились. Он точно знает, что взрослые имеют больше знаний об окружающем мире и потому слушаться их всегда полезно. Даже если ребенок шалит – он всего лишь подсознательно проверяет компетентность родителей, чтобы в очередной раз убедиться в их заботе и почувствовать их силу. Пока ребенок не вырос до размеров взрослого человека, его бунт носит символический характер, имеющий цель – проверить иерархию в семье.

Подросток же, став соразмерным взрослому, старается более убедительно доказывать свое право на равенство, мягко или жестко стремясь понизить авторитет родителей, чтобы опустить их до своего уровня – и в итоге выйти в горизонтальные отношения, становясь равным им.

У них с Аленой пока до этого не дошло, но внутренне он был уже готов к этому. Ее поведение в больнице, скорее всего, можно объяснить еврейской поговоркой в защиту собственной стабильности: «Не надо делать мне как лучше, оставьте мне как хорошо».

Она совершенно искренне не хотела принимать помощь от него и предпочитала довольствоваться тем, как у нее обстоят дела. Теперь ему было понятно, что это нежелание принимать чужую заботу было продиктовано ее неуверенностью в нем самом. Кроме того, он сам в тот момент не знал, насколько она не уверена в своей действительности, чтобы быть готовой улучшать ее по чужому совету, пока не познакомился с родителями Алены.

В самый первый день, когда Алена впервые переступила порог этого дома, он сказал ей, что его мнение – это информация, которая существует сама по себе, и она вправе с ней не соглашаться. Сказал, чтобы она знала: ее несогласие не будет поводом с его стороны относиться к ней хуже, то есть с меньшей симпатией. Если ему удалось донести эту мысль до Алены, то они смогут найти компромисс и бесконечно наслаждаться общением, с любопытством выслушивая мнения друг друга, но при этом оставаясь свободными от необходимости в обязательном порядке соглашаться с близким человеком.

У Вяземского не было опыта общения ни с детьми, ни тем более с подростками, и теперь до него начинал доходить смысл предупреждения следователя Никонова, когда тот пытался убедить его в том, что воспитательный процесс – дело не шуточное. Он и сам теперь это понял. Здесь одними деньгами проблему не решишь. Это труд. Долгий, упорный, кропотливый труд.

Он с трудом отвлекся от своих мыслей на новости, а потом отправился спать.

* * *

Алена никак не могла привыкнуть к своему ласковому прозвищу. Она много к чему пока еще не привыкла. По ночам она просыпалась от звенящей тишины в квартире и дол-

го не могла заснуть, вспоминая прежнюю жизнь – с пьяными скандалами, громкими криками и битьем посуды. Сама того не замечая, она принималась натужно вздыхать, не зная, куда деться от горьких воспоминаний. От ее громких, почти старческих вздохов просыпался Вадим и тоже потом долго не засыпал, думая о том, что пришлось пережить ей в своей такой короткой еще жизни.

Утром за завтраком Вадим сообщил Алене о том, что через неделю едет в командировку в Германию.

– Надолго? – В ее синих глазах застыла тревога.

– Нет. Три, от силы четыре дня, – принимая из ее рук чашку с кофе, сказал он. – Но ты не бойся, с тобой побудет Светлана Ивановна. Дашина бабушка. Помнишь ее?

– Хорошо, – согласилась девочка. – Я помню. Она мама Андрея Николаевича.

– Правильно. – Он допил кофе и поставил чашку. – Все. Тороплюсь. У меня с утра встреча назначена. Будь умницей, котенок.

– Буду, – вздохнула Алена. – Возвращайтесь быстрее из командировки, пожалуйста, – смущаясь, проговорила девочка.

– Я еще никуда не уехал, – со смехом произнес он, но, увидев ее большие серьезные глаза, добавил: – Я постараюсь.

Неделя пролетела незаметно. Вяземский уехал в командировку, и в тот же день в их доме появилась Светлана Ивановна, невысокая, плотная женщина, выглядевшая гораздо

моложе своих шестидесяти пяти лет. У нее была аккуратная, стильная стрижка на темных волосах, неброский макияж и ухоженные руки. Она пришла с утра, вознамерившись навести порядок в доме Вяземского и приготовить обед для девочки. Ей нравился Вадим. Нравился своим чувством юмора, своей открытостью, эмоциональностью и добрым нравом – всем тем, чего так не доставало ее сыну. Правда, сын утверждал, что на работе он совсем другой: жесткий, требовательный и бескомпромиссный. Оформив опеку над девочкой-подростком, он сильно удивил своих друзей, у которых его поступок не вызвал особого одобрения. Светлана Ивановна прошлась по квартире, обнаружив кругом чистоту и порядок. В приготовлении обеда тоже не было необходимости, и она спокойно уселась перед телевизором дожидаться Алену. Та пришла из школы около двух часов и, переодевшись, побежала на занятия.

– Куда ты так торопишься, Алена?!

– Светлана Ивановна, я скоро, – крикнула на бегу Алена. – Я хожу на занятия в школу танцев.

– О Господи! Вот оглашенная! – Она снисходительно улыбнулась, покачав головой.

Алена вернулась спустя пару часов уставшая, но довольная. Приняв душ и переодевшись, она села возле гостыи.

– Давай корми меня, поухаживай за мной, – со смехом потребовала Архипова.

– Ой, извините, – смущенно зарделась девочка. – Пойдем-

те.

Она быстро накрыла стол для обеда, усадив гостью.

– На какие танцы ты ходишь? Расскажи-ка мне.

– Испанские танцы. У меня сегодня было только третье занятие. Очень интересно. Хочу научиться танцевать фламенко.

– Н-да? А на соревнованиях по бальным танцам танцуют еще пасодобль.

– Ой, Светлана Ивановна, это очень сложный парный танец. Он такой броский и эмоциональный, – мечтательно произнесла Алена. – Вообще, пасодобль – типично мужской танец. В нем основной акцент делается на движения партнера-тореадора, а партнерша просто следует за ним, изображая его плащ. Это не очень интересно. Пасодобль требует большой выразительности и музыкальности, а также постоянной практики, начиная с самого начала обучения танцам. Кроме того, он требует физических сил, ведь при его исполнении работают все мышцы тела. В этом танце все позы закрытые, но это компенсируется выразительными, трогательными движениями рук, которые играют в нем гораздо большую роль, чем в других танцах.

– Вам в студии преподают еще и историю танца? – удивилась Светлана Ивановна.

– Нет, конечно. Я много читала об этом в интернете.

– Даже так? – Собеседница посмотрела на Алену внимательным, заинтересованным взглядом. – Но ты все же выбра-

ла для себя фламенко.

– Да! Фламенко мне нравится больше. Это необычный и очень яркий танец, – уверенно произнесла девочка. – Его называют не только цыганским, испанским, но и арабским танцем. Ведь он вобрал в себя весь непревзойденный сплав художественных танцевальных форм всех народов, когда-либо проживавших в Испании в течение всей ее тысячелетней истории. Во фламенко очень четко различаются мужской и женский танец. У мужчин – подчеркнутая работа ног, быстрые ритмичные движения, сопровождаемые стуком ступней и каблуков, – так называемое сапатеадо, передающее дух борьбы, отчаянного сражения, отваги и гордости. Тогда как у женщин все построено на непрерывном, плавном, мягком движении рук. Именно этот контраст и столкновение дает фламенко жизнь, неповторимую и яркую, какой мне представляется сама Испания, – произнесла Алена с мечтательным взглядом. – У этого танца есть такое понятие, как дуэнде. Это душа исполнения фламенко, без которой станцевать его невозможно, – сообщила Алена с горящими глазами. – Это тот внутренний огонь, тот дух, который живет внутри исполнителя, вы понимаете, Светлана Ивановна? Искусство исполнения фламенко кроется не в мастерстве, не в профессионализме танцора, а именно в силе внутреннего духа, которая заставляет вступать его в поединок с самим собой, со стихией музыки и ритма.

– Как поэтично! Никогда не думала, что можно так вос-

хищаться танцем. Ты обязательно научишься танцевать фламенко. У тебя это получится, – убежденно произнесла Светлана Ивановна.

– Вы думаете?

– Конечно. По-моему, в твоей душе есть такая сила. Ты страстная натура, душа моя.

Алена смутилась от похвалы Светланы Ивановны.

– Вадим записал меня еще в студию обучения игре на фортепиано.

– Куда? – обомлела Архипова. – На фортепиано? Чудеса. Я удивлена. На Вадима это так не похоже. Что бы это могло значить? – задумалась она, но всего лишь на секунду. – Знаешь, обычно такое бывает у матерей, которые таскают своих детей по музыкальным школам, бальным танцам, стремясь дать им прожить ту жизнь, которая в свое время не досталась им самим. Сами же они готовы довольствоваться тем, что попробуют «пожить красивой жизнью» опосредованно. Но Вадим? Откуда у него это? Нереализованные возможности?

– Скорее, нереализованные желания, – поправила ее Алена и улыбнулась.

– Главное, ты поняла меня. Ну и ладно. Ты можешь не заниматься тем, что тебе не нравится.

– Я буду заниматься музыкой, если у меня и нет на это особого желания. Я не хочу огорчать Вадима. Это такая малость, которая не очень меня затруднит. Он для меня делает намного больше, хотя и не обязан, – рассудительно заметила

девочка.

– Вот как? Ну, что же, это твое дело.

– Да. Светлана Ивановна, вы лучше научите меня печь пироги. Помните, вы нас угощали своей выпечкой на старый Новый год?

– Помню. Возьми бумагу и записывай.

Зазвонил сотовый телефон Алены. Она узнала номер Вадима.

– Привет! У меня все хорошо. Да, со Светланой Ивановной. В школе? Все нормально. Мы завтра с классом едем в океанариум. Да, в тот, что на улице Марата.

Они еще поговорили немного и распрощались.

– Мы едем с классом в океанариум, а Вадим предложил мне съездить с ним туда вечером, после его возвращения из командировки. Он говорит, что в десять часов вечера водолаз начинает кормить там акул и других хищных рыб, которые находятся в бассейне на втором этаже. Вадим сказал, что это очень захватывающее зрелище. – Она сидела с горящими глазами и смотрела перед собой.

– Очень хорошо, – поддержала Светлана Ивановна, радуясь за девочку.

– Хочу посмотреть, как кормят акул. Хищники меня всегда чем-то притягивают. – Она хлопнула ладонями по коленям. – Ну что, вернемся к нашим баранам, то есть к пирогам.

– Ты уже все записала.

Они долго еще обсуждали тонкости пекарского мастер-

ства. Потом Алена ушла заниматься, предоставив гостье полную свободу действий, и та с удовольствием принялась названивать приятельницам, коротая время до начала любимого сериала.

– Привет, моя дорогая. Нет, я сейчас не у себя дома. Я у Вадима Вяземского, компаньона и друга моего Андрея. Ты должна помнить его. Высокий такой, темноволосый красавец с большими карими глазами. Ну, вспомнила, наконец-то!

– Что ты там делаешь?

– Я присматриваю за его девочкой. Он оформил опеку над девочкой-подростком. Чудная девочка, я тебе скажу. Отличная маленькая хозяйка, очень хорошо учится. Да, еще она ходит на испанские танцы. Мечтает научиться танцевать фламенко.

– Удивительно.

– Что удивительно, Вера?

– Да все! Поступок вашего Вадима меня удивляет и девочка...

– Так бывает. Иногда.

Светлана Ивановна хорошо ладила с Аленой, не докучая ей нотациями и поучениями. Три дня до приезда Вадима пролетели незаметно. Он приехал из аэропорта Пулково поздно вечером и проводил Светлану Ивановну, вызвав ей такси.

– Ну, как дела? – спросил он с улыбкой Алену.

– Все нормально. Как хорошо, что вы приехали, – смущенно призналась она, стараясь не демонстрировать своей искренней радости, но глаза ее выдавали. Они сияли бурным восторгом.

– Я тебе привез сувенир. – Он подал ей большую коробку. – Открывай! – нетерпеливо потребовал он.

Алена распаковала коробку и, сняв крышку, застыла на месте, прижав руки к груди. Казалось, она даже дышать перестала на какое-то время. Вяземский насторожился.

– Алена! – окликнул он ее, осторожно касаясь плеча девочки.

– Это мне? – охрипшим от волнения голосом спросила она, недоверчиво взглянув на Вадима.

– Нравится?

Она переводила восхищенный взгляд с фарфоровой куклы на Вадима и обратно.

– Мне никто не дарил еще таких подарков. Никогда, – расстроганно произнесла она, бережно прижимая коробку к себе.

– А Дед Мороз?

– Нет! – Она запнулась и, не глядя на него, продолжила, еле разжимая губы: – Когда я была маленькая, мне говорили, что я плохая девочка и что Дед Мороз к плохим девочкам не приходит. У меня никак не получалось стать хорошей, хоть я и очень старалась. Потом я к этому привыкла и больше никогда его не ждала.

– Правда? Значит, подарок кстати! – заключил он. – Я долго думал, что тебе купить...

– Красивая! Спасибо, Вадим! Я очень рада. Наверное, это именно то, чего мне так не хватало. – Она подошла к нему и, приподнявшись на цыпочки, неловко поцеловала его в щеку.

Он впервые за их совместное проживание уезжал на несколько дней из дома, и оба успели соскучиться друг без друга. Алена весь вечер ходила за ним по пятам, поминутно обращаясь за чем-нибудь.

– Вадим, а вы сегодня никуда не поедете?

– Нет. Куда я должен ехать? – с улыбкой поинтересовался он.

– К Жанне. Только она почему-то не звонила.

– Мы расстались с Жанной, – мимоходом сообщил он, убирая дорожную сумку в шкаф.

Алена испуганно посмотрела на него и молчала, боясь сказать что-нибудь невпопад и обидеть его.

– Наверное, это из-за меня? – Ее большие, красивые глаза наполнились тревогой.

– Нет. Ты не волнуйся. Все нормально. Мы расстались по обоюдному согласию. Так бывает в жизни, – сообщил он делано-спокойным тоном, но было видно, что у него это еще не отболело.

– Мне очень жаль...

– Ничего. В жизни так бывает. Наша с Жанной история закончилась. – Он вздохнул, убрал прядку волос со щеки де-

вочки и вымученно улыбнулся.

– Жизнь продолжается, и начнется новая история, – убежденно проговорила Алена.

– Ну уж нет! Я не готов пока к новым историям, – невесело засмеялся он. – Нужно еще пережить старую. Хочется выпить, но не хочется одному.

– Я не пью! – испуганно заявила Алена.

– А я тебе и не предлагаю. Мала еще, – усмехнулся Владимир. – Просто посиди со мной.

Вяземский прошел к бару и, достав бутылку виски, плеснул себе в широкий стакан, потом сходил за льдом и кинул несколько кубиков в содержимое стакана. Он поднял стакан к свету и внимательно смотрел на то, как кубики льда сначала опустились на дно, а потом медленно начали подниматься вверх.

– Знаешь, чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь в том, что все происходящее с нами закономерно. Из нашего союза с Жанной ничего путного и не могло получиться. Наше поколение, родившихся в восьмидесятых, загнано в ловушку высоких притязаний и потому не может быть счастливым.

– В каком смысле? – живо поинтересовалась Алена.

– Мы слишком много хотим от жизни.

– И вы?

– И я не исключение. Я вспоминаю свою бабушку. Их поколение редко мечтало о принцах, заграничных курортах

или даже о бокале мартини. Все это казалось недостижимой роскошью. Они жили проще и счастливее. Они радовались мирному небу, возможности иметь свое жилье, образование и стабильную работу. Радовались, когда в семье все было хорошо. И большую часть времени, оставшегося от работы, домашних дел, очередей, рождения и воспитания детей, они тратили на то, чтобы обустроить уют. Поэтому их поколению непонятно, почему внуки не хотят работать на заводах или стройках, считая это уделом гастарбайтеров.

Молодые мужчины мечтают быть олигархами, сидя при этом на жопе ровно. Они лучше будут полдня играть в компьютер, подвизаясь на должности менеджера, чем работать физически. Молодые женщины ничуть не лучше. Конечно, поставив себе нижней планкой Брэда Питта, они никогда не будут счастливы. – Он заметил, как от последней фразы Алена насмешливо фыркнула.

– О нем наши девчонки тоже мечтают.

– Во-о-от! – произнес он и направил на нее указательный палец. – Наше поколение, а ты тем более, не помнит всех тягот тех лихих и голодных времен, потому что мы встретили их детьми. Если сравнивать тучные двухтысячные и даже сегодняшнюю турбулентность страны со всеми вытекающими последствиями, то видно, что объективно жить стало лучше и легче. Субъективно – отовсюду раздаются реквиемы по несбывшимся надеждам. Со всех сторон раздаются стоны непризнанных гениев. Ясно одно – никто не хочет быть

проще.

– Светлана Ивановна говорит, что во всем виноваты современные сериалы. Герои сериалов все молоды и богаты. У них крутые машины и красивые дома. Молодежь смотрит на экраны телевизоров и думает: «А чем я хуже?» – Алена пожала плечами.

– Вот-вот! – Вяземский сделал большой глоток виски, чувствуя, как алкоголь шелком скользнул внутрь, согревая внутренности. Сосуды разжались, и стало легче. – Потребительское отношение ко всему, но главной причиной всех наших несчастий, по-моему, остается пресыщенность. Простая еда на природе кажется вкуснее заморских деликатесов в модном ресторане. Бары уже не знают, чем нас удивить. Осьминоги, фаршированные устрицами, не удивляют. Все есть. Экзотические фрукты, алкоголь реками...

Напрашивается вывод: мы просто зажрались. Нам слишком легко все достается. Мы не ценим шмотки из прошлой коллекции. Мы ноем, что нам плохо в комфортных автомобилях с кондиционером. Нам вечно всего мало, нас ничего не удивляет.

Правильно говорил Мавроди: где пресыщенность, там образуется вакуум. Не зря он, вновь отстроив свою пирамиду в ЮАР, носит тот же спортивный костюм и ловит рыбу.

Другая беда нашего поколения – природный эгоизм. Нас почему-то воспитывали так, что нам все должны. Большинство из нас не помогли родителям. Многие из нас не хотят

иметь своих детей. А зачем заботиться о ком-то? Тратить свои силы и время. Ведь одному жить проще. Инфантильные мужчины ждут заботливую мамочку. Женщины ждут умственно отсталого олигарха, чтобы запрыгнуть ему на шею и не работать. Никто не хочет делиться душевным теплом, дарить... Никто не хочет отдавать!

Мы ругаем правительство, костерим сменяющих друг друга президентов, воем, что в стране бардак. Но если посмотреть правде в глаза, то кто мы сами, господа? Чего мы стоим и чего достойны на самом деле?

– Вадим, так живут не все.

– Я не говорю о других. Я говорю о своем поколении тридцатилетних. Ладно, не буду морочить тебе голову. Аленка, топай спать, и пусть тебе снятся волшебные сны, – грустно улыбнулся Вяземский.

– Спокойной ночи.

Алена долго не могла заснуть, раздумывая о сегодняшних откровениях Вяземского. Слушая его, она поняла одно – ему сейчас было очень плохо, а у нее от жалости разрывалась душа. Она была не просто благодарна ему за заботу и подарки. Она готова была пожертвовать собой, защищая его от всего мира.

* * *

Прошла еще одна неделя. Жизнь Вяземского входила в

свою колею. Вадим пропадал на работе, по вечерам успевая заскакивать в тренажерный зал, благо тот работал до двенадцати ночи. Алена жила школой, уроками и с удовольствием занималась в танцевальной студии, с невиданным упорством осваивая элементы фламенко.

В понедельник, ближе к середине рабочего дня, Вяземскому позвонили в офис на городской номер. Звонившая женщина представилась директором школы.

– Вадим Георгиевич! Вы должны подъехать в школу. Срочно, – потребовала она.

– Что-то случилось, Алла Юрьевна?

– Дело касается вашей подопечной Алены Гончаровой.

Вадим предупредил секретаря, чтобы та отменила назначенную встречу, и уехал. Он переживал по поводу звонка, будучи твердо уверенным в том, что должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, раз директор срочно вызвала его, даже не назвав по телефону истинной причины. Он нашел кабинет директора школы без труда, запомнив его еще по первому посещению. В кабинете кроме директора находились преподаватель биологии и Алена.

– Добрый день! – взволнованно проговорил Вадим, с тревогой глядя на Алену, и приготовился выслушать любые претензии.

– Совсем не добрый! – съязвила директор. – Во всяком случае, для вашей подопечной. Вот, полюбуйтесь! – Она положила перед ним тетрадь.

– Что это? – Он смотрел на тетрадь, не решаясь взять ее в руки.

– А это дневник нашей Алены Гончаровой. Да вы почитайте, почитайте, Вадим Георгиевич! Полюбуйтесь на ее художества! – Она нервно расхаживала вдоль стола. – Это вообще ни в какие ворота, извините, не лезет! – Она всплеснула руками и остановилась, глядя обличительным взглядом на девочку, которая смотрела на нее глазами, полными страха, мольбы и отчаяния.

Алена стояла, втянув голову в плечи, стараясь не смотреть на Вяземского.

– Расскажи нам, как ты до такого додумалась? Посвяти нас всех, и своего опекуна в первую очередь, в свои романтические опусы! – Алла Юрьевна провела рукой по своей прическе, обводя присутствующих пристальным взглядом.

Вадим смотрел на съежившуюся, опустившую глаза Алену, но та внезапно сорвалась с места и выбежала из кабинета, громко хлопнув дверью.

– Извините! Я должен догнать Алену. Я обещаю, что разберусь во всем. – Он схватил со стола тетрадь и вышел вслед за девочкой.

Вяземский вышел на улицу и, оглядываясь по сторонам, прошелся вдоль здания школы. Завернув за угол, он увидел Алену, которая стояла и плакала, прислонившись спиной к стене. Девочка дрожала не столько от холода, сколько от нервного озноба.

– Ален, пойдем в машину, – спокойно сказал он, вставая рядом. – Возьми. – Он протянул ей тетрадь.

Алена схватила тетрадь и спрятала ее за спину. Она избегала смотреть ему в глаза.

– Вы читали? – дрогнувшим голосом спросила она, не поднимая глаз.

– Нет.

– Простите! – быстро пробормотала она, метнув на него недоверчивый взгляд.

– Одевайся и садись в машину, – спокойно произнес он. – Уроки, я думаю, на сегодня для тебя закончились.

Спустя несколько минут Алена забралась на заднее сиденье автомобиля, положив рюкзак с книгами на колени. «Лексус» заурчал двигателем и выехал со стоянки. Вадим посмотрел в зеркало заднего вида. Алена была очень расстроена. В глазах ее все еще были слезы, она пыталась плотнее сжать дрожавшие губы, чтобы не разрыдаться в голос.

– Ален, что там такого было написано?

Увидев, как слезы вновь хлынули из глаз прозрачным потоком, он поспешил добавить:

– Хорошо. Не хочешь – не говори. Я не настаиваю. Я же понимаю, что в дневнике личные мысли. – Он помолчал. – Тогда как твой дневник попал в руки директора школы?

– Биологичка ей отдала. Мы писали контрольную работу по кровеносной системе. Я вместо тетради по биологии случайно сдала дневник. Она прочитала сама и отдала директо-

ру.

– Дела... – Он покрутил головой. – Не повезло. Бывает. Не плачь.

Когда они приехали домой, Вадим предупредил Алену:

– Вот что, я забираю твои документы из школы и сдаю их в лицей. Я узнал все по поводу этого учебного заведения. Знаешь, что выяснилось? Этот лицей сотрудничает с факультетом довузовской подготовки Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета, который также работает еще с одиннадцатью санкт-петербургскими школами, преподавание в которых ориентировано на поступление в медицинские вузы. Это именно то, что тебе нужно, – уверенно произнес Вадим. – А учитывая сложившуюся ситуацию, тем более. Думаю, так будет лучше для тебя. Согласна?

– Я не хотела вас подводить, Вадим. Простите. Все вышло совершенно случайно. – Алена виновато смотрела на него, продолжая судорожно вздыхать.

– Ты меня не подвела. Что сделано, то сделано. Со всяким может случиться. В конце концов, все случилось так, как должно было случиться, – спокойно, даже несколько отрешенно произнес он. Было видно, что он о чем-то напряженно думает.

– В такой лицей, наверное, без экзаменов не попадают, – усомнилась Алена, беспомощно глядя на Вяземского. – Тем более, сейчас второе полугодие... Последняя четверть.

– Тебе не стоит об этом беспокоиться. Это уже моя забота. – Он провел ладонью по ее щеке, вытирая слезинки. – Ладно. Ты отдыхай, а мне на работу нужно. – Он дошел до входной двери и, повернувшись к ней, уже оттуда произнес: – И не плачь больше!

Как Вяземскому удалось все уладить с переводом девочки в другое учебное заведение, он ей не говорил, а она сама спросить об этом так и не решилась, но уже через два дня Алена пошла в лицей. Новые одноклассники встретили ее сначала настороженно, но через несколько дней ситуация переменялась. Преподаватели радушно приняли новую ученицу, тем более с такими хорошими знаниями.

* * *

Время летело незаметно для Алены и Вяземского. Учебный год она закончила на отлично, и после экзаменов они с Вадимом улетели в Испанию. Три недели безмятежного отдыха на побережье Средиземного моря пролетели быстро, оставив о себе приятные воспоминания. Вернувшись после отдыха, Вяземский с головой погрузился в работу, а Алена продолжила заниматься испанскими танцами и запоем читала, скачивая книги из интернета. Вадим приходил вечером с работы домой, где его ждал вкусный ужин и приятное общение с обаятельной девчонкой, которой хотелось поболтать с ним обо всем на свете. Первая рабочая неделя после отпуска

подходила к концу. В пятницу перед обедом зашла секретарь и сообщила:

– Вадим Георгиевич, вас какая-то странная женщина спрашивает по городскому телефону.

– Что она хочет?

– Не знаю. Требует вас.

– Хм-м, – удивился вслух Вадим. – Переключи на мой телефон.

Взяв трубку, он сразу узнал абонента, хоть и никогда не слышал ее голоса по телефону. Звонила Маргарита Гончарова, вот уж кого он не ожидал услышать, так это ее.

– Здравствуйте, господин Вяземский! Это Марго. Удивлены?

– Честно? Не ожидал.

– Не ожидал он! Я вот тебе зачем звоню: девчонку мою забрал, а деньги где?

– Какие деньги? – попытался уточнить Вадим.

– Она работала и деньги приносила в семью, а теперь на что я жить должна? Я всего лишилась по твоей милости. Ты спишь с молоденькой девчонкой, так имей совесть! Ты должен заплатить мне за дочь. Иначе я подключу общественность, – с пьяной решимостью заявила Маргарита.

После таких слов брови Вяземского поднялись от удивления вверх.

– И на какую сумму вы рассчитываете?

– Восемь тысяч в месяц. Полгода. Да. Пятьдесят тысяч

меня устроят. – В трубке слышались голоса, и Маргарита тут же передумала и изменила сумму: – Шестьдесят тысяч. Евро, – уточнила она поспешно. – Я думаю, за мою девочку можно отдать и не такие деньги. Наверняка удовольствие, которое ты имеешь, стоит дороже, – усмехнулась она в трубку.

Вадима передернуло от такого грязного предположения, и он задумался. Отдавать деньги было глупо. Шантажист никогда не успокоится. Маргарита все равно их пропьет, и не одна, а в компании. И как только деньги закончатся, она начнет звонить снова. Мелькнула мысль обратиться к следователю, но, подумав, он не решился. Он не хотел, чтобы девочке мотали нервы. Кроме того, эта женщина была матерью Алены, которая, несмотря ни на что, жалела ее.

– Тридцать тысяч рублей, и только ради спокойствия Алены. Если требование повторится, я привлеку вас к ответственности за шантаж и вымогательство.

На другом конце провода слышался какой-то шорох, приглушенные препирательства, и наконец пьяный женский голос изрек:

– Согласны. Мы согласны.

– Я передам деньги с Аленой. Имейте в виду, что наш разговор записывался, – строго произнес Вяземский. – Маргарита, вам нужно лечиться от алкоголизма. Если надумаете, я найду клинику.

– Вы, господин Вяземский, с огнем играете. Вы удержи-

ваете мою дочь возле себя.

– Я ее опекун на законных основаниях. Вас же лишили родительских прав, и вы теперь не имеете к Алене никакого отношения.

Преπειраться с нетрезвой Маргаритой дальше не имело смысла, и он положил трубку. Неприятный осадок от телефонного разговора преследовал его весь день. Остаток дня он провел в переговорах и на какое-то время отвлекся, забыв о растревожившем его телефонном звонке. Вечером он передал Алене деньги и попросил отнести их матери.

– Мне их сегодня нужно отдать? – удивилась она.

– Поздно уже. Завтра отдашь.

– Хорошо. Только зачем так много? – растерянно спросила она, заливаясь краской стыда.

– Просто отдай, и все.

– Они же их пропьют...

– Это уж как им будет угодно...

Алена помолчала, потом решила спросить:

– Можно я отнесу им немного продуктов? Хочу сготовить обед.

– Можно, только не задерживайся, пожалуйста, – с тревогой в голосе произнес он. – Знаю, что ты ходишь к матери, и мне от этого беспокойно.

– Я недолго там буду. Ты не волнуйся.

Вечером, возвращаясь после работы, он позвонил Алене. Та еще находилась у матери, поэтому он заехал в Сапер-

ный переулочек, чтобы забрать ее домой. Остановившись возле подъезда, он сделал звонок, и Алена сразу вышла, направляясь к машине.

– Ты что, в подъезде стояла? – пошутил Вадим.

Она не ответила, а только отрицательно качнула головой.

Он посмотрел на нее внимательно.

– Опять плакала? – мягко спросил он.

– Нет, – проговорила Алена, отворачиваясь к окну.

– Алена, если такое снова повторится, я вынужден буду ограничить твое общение с матерью.

– Я и сама пока не буду ходить туда. Пусть все успокоится.

Она очень нервная сегодня... Вадим, прости ее, пожалуйста, за то, что она просила у тебя деньги.

– Ну, положим, она не просила, а требовала. – Он с улыбкой посмотрел на Алёну.

– Тем более. Мне так стыдно. – Она закусил губу, чтобы не расплакаться, и снова отвернулась к окну.

– Ты здесь совершенно ни при чем, – спокойно ответил Вадим.

– Она тоже не виновата. Просто когда ей хочется выпить, она на все готова... Это сильнее ее, – со слезами проговорила Алена.

– Я все же поговорю с участковым. Надо что-то делать, – решительно произнес Вадим.

Алена просительно посмотрела на него.

– Не бойся. Я найду хорошую платную клинику. Все будет

хорошо, не волнуйся.

– Я тебе верю, – прошептала девочка.

* * *

В конце лета Вяземскому удалось отправить Маргариту Гончарову на принудительное лечение от стойкой алкогольной зависимости. Два месяца спустя она выписалась из клиники и в первый же день отпраздновала свое возвращение домой. Деньги Вяземского пропали напрасно, не принеся никому пользы. Марго так долго праздновала, что забыла поздравить дочь с днем рождения, а когда вышла из запоя, она тем более об этом не вспомнила. Зато Вяземский об этом помнил, и пятнадцатилетие Алены отпраздновали впервые в жизни. Вяземский пригласил в кафе весь ее девятый «А» класс. Были шары, цветы, поздравления, подарки – все как у всех. Алена выглядела великолепно. Платье, купленное в Париже, сидело на ней безупречно. Молодежь весь вечер танцевала и с удовольствием развлекалась с помощью приглашенного аниматора. Праздник закончился, и Вадим забрал Алену домой.

– Как все прошло?

– Великолепно. Спасибо за праздник. Всем было весело, – грустно сказала она.

– Тогда почему таким невеселым тоном? – улыбнулся он.

– Жалко, что не было тебя...

– Котенок, я точно бы не вписался в ваш молодежный коллектив, – рассмеялся Вадим, глядя на нее. – Не грусти.

Она уткнулась ему лбом в плечо:

– Постараюсь, только без тебя было совсем не весело.

Глава 3

С той осени прошло два года. На календаре был октябрь две тысячи тринадцатого года.

Личная жизнь Вяземского за это время претерпела значительные изменения. В его жизнь вошла женщина. С Екатериной Разумовой они вместе работали. Год назад в главном офисе их компании появилась новая сотрудница. Она обладала приятной внешностью и недюжинным энтузиазмом, распространяющимся не только на профессиональную деятельность. Предметом ее особо пристального внимания стал молодой импозантный генеральный директор компании «Медсервис», который, по словам сотрудников, находился с некоторых пор в свободном плавании. Она приложила значительные усилия, чтобы в кратчайшие сроки обратить на себя его внимание. После вечеринки, посвященной очередной годовщине компании, Вяземский привез ее на служебную квартиру на Лиговке, а на следующее утро она объявила, что ей негде жить, и попросила разрешения остаться здесь на неопределенное время. Вяземский намек понял и, подумав, согласился. В конце концов, эта квартира была собственностью компании и предназначалась для иногородних сотрудников, прибывающих в командировку из филиалов, расположенных в других городах.

Екатерина удивлялась, что их встречи всегда происходят

либо на территории служебной квартиры, либо в отелях, и только спустя время она узнала причину, по которой он никогда не приглашал ее к себе домой. Это удивило ее еще больше. Тот факт, что Вяземский является опекуном и проживает под одной крышей со своей подопечной, привел ее в замешательство. Сначала она подумала, что он корысти ради взялся опекать ребенка-сироту, которому богатые родители оставили приличное состояние. От этих мыслей ей стало неуютно, и образ симпатичного, уверенного в себе богатого принца начал меркнуть. Дальнейшие вопросы прояснили ситуацию. Все оказалось с точностью до наоборот. Он по-прежнему принц, со всеми вытекающими последствиями, а девчонка... так себе, обычный несчастный ребенок, которому несказанно повезло с обеспеченным опекуном. Она согласилась с Вяземским, что их встречи могут травмировать психику ребенка, только забыла поинтересоваться его возрастом. Ребенок и ребенок, какая разница, пять лет или десять.

С их первой встречи прошел почти год, но это ничего не изменило в их отношениях. Они по-прежнему встречались на несколько часов, а потом он неизменно собирался и ехал домой. За это время Катя успела познакомиться с Аленой и никак не могла взять в толк, почему Вяземский эту взрослую девицу считал ребенком. Сначала она огорчилась, рассматривая очаровательную девушку, но быстро сообразила, что совсем скоро от нее можно будет навсегда избавиться.

Единственное, что ее огорчало, – что он никогда не говорил с ней о совместном будущем. Более того, он всячески избегал разговоров на эту тему, а на ее недавнюю попытку завести речь о совместном проживании он странно посмотрел на нее и сказал, что до совершеннолетия Алены он не может что-либо менять в их жизни. Катя пришла к неутешительному выводу, что она не присутствует в его ближайших планах на будущее.

* * *

Алена училась уже в одиннадцатом классе. Гадкий утенок к семнадцати годам превратился в прекрасного лебедя. Пушистые светло-русые волосы обрамляли нежный овал лица с огромными ярко-синими глазами. Грациозная, чуть выше среднего роста, с идеальными пропорциями фигуры, Алена была очаровательна. Она очень изменилась, и не только внешне. Ее внутреннее состояние можно было считать почти гармонией. Она жила в ладу с собой и окружающим ее миром. Она стала спокойной и доброжелательной. Ее позитивный психологический настрой заряжал окружающих. Вадим был рад такой перемене. Ему нравилось, что она разговаривала со всеми в уважительном и дружелюбном тоне. Ее речь стала спокойной и осознанной, что придавало ей приятное звучание. Кроме этого, у нее был еще один дар – умение слушать, и это притягивало к ней людей. В лице Алены

на училась с удовольствием. Ее целью было получить золотую медаль по окончании школы. Она часто делилась с Вадимом школьными новостями. В конце первой четверти она сообщила ему, что у них сменился преподаватель по истории, который ей очень понравился. Она с нетерпением ждала ее уроков, с удовольствием готовилась к ним дома и постоянно делилась с Вадимом своими впечатлениями, чаще всего они разговаривали за ужином. Они всегда по вечерам разговаривали, делились новостями и своими впечатлениями о прошедшем дне. Такое общение сближало их.

– С понедельника у нас начинаются каникулы. Ура! – сообщила Алена Вяземскому в пятницу за ужином.

– По истории у тебя, конечно, отлично? – с улыбкой спросил он, откладывая газету в сторону.

– Конечно, и не только по истории, но и по остальным предметам тоже, – подтвердила Алена.

– О Господи! Зачем тебе это? – в очередной раз поинтересовался Вяземский. – Какое-то болезненное стремление к идеалу. Перфекционизм чистой воды.

– Перфекционизм в психологии – это убеждение, что идеал может и должен быть достигнут, а это не мой случай, – решительно возразила Алена.

– Правда? А социально обусловленный перфекционизм – это потребность всегда соответствовать ожиданиям других, действовать относительно установленных ими стандартов. Тебе это больше подходит? – с усмешкой уточнил он.

– Нет, – спокойно произнесла она и демонстративно облизала мед с ложки. – Мне просто нужна золотая медаль.

– Серьезное заявление. Скажи, а на фига она тебе? Просто золотая медаль?

– Потом скажу. Ладно. Я хотела тебе рассказать о другом. Ты не представляешь, как наша Ангелина Владимировна интересно ведет уроки.

– Да? И что же в них такого исключительного?

– Вот сегодня, например, она предложила нам поговорить о мечте.

– Да? Неужели каждый вслух озвучил свою мечту? – Он с любопытством посмотрел на девушку.

– Нет, этого и не требовалось, – мягко проговорила Алена. – Понимаешь, она предложила ассоциировать свою мечту с поездом. Нужно взять и представить себя в поезде, который и будет нашим адресатом, то есть нашей идеальной жизнью. Вот представь себе мысленно такой поезд. Как бы он выглядел? Кто бы ехал вместе с тобой в одном вагоне?

– Конечно, ты. Я привык путешествовать с тобой. – Он вальяжно откинулся на высокую спинку стула и довольно ухмыльнулся. – Мне нравится показывать тебе новые места, где ты еще не была. Мы много где уже успели побывать.

– Вадим! Мне приятно, что ты подумал обо мне. Я тоже думала о тебе, когда это представляла, – с жаром сообщила она. – Почему-то... – Она задумалась на секунду, глядя на него. – Подожди-подожди. Продолжим. Представь, как бы

ты себя чувствовал? Что бы ты делал? Когда ты увидишь достаточно четкое представление, нужно подумать, какой реальный шаг можно предпринять, чтобы стать ближе к своей мечте. Даже один твой маленький шаг может стать началом трансформации и отправить тебя в дальнейший путь, ведущий навстречу твоей мечте. Потом она сказала, что у каждого пути есть конечная остановка, а значит, и наша мечта обязательно встретит нас через отведенный промежуток времени, потому что мечты имеют свойство сбываться. Каждый поезд идет строго по расписанию и всегда приходит вовремя, без опоздания. Нам стоит лишь найти в себе силы сесть в нужный вагон и дождаться конца пути!

– Здорово. Что только не придумают! Ладно. Давай о другом поговорим сейчас. Чем займешься на каникулах? Они ведь с этого понедельника начинаются?

– Да! Осенние каникулы самые короткие. Жалко, – вздохнула Алена.

– Зато не успеешь соскучиться, – подытожил Вяземский. – У меня сейчас со временем засада, поехать никуда не сможем.

– Ничего страшного. Все равно и у меня времени нет.

– Я не хочу, чтобы тебе было одиноко дома.

Алена выслушала и удивленно посмотрела на него:

– Я буду общаться с тобой, и мне не будет одиноко. В конце концов, я буду дома, а не в Точке Немо.

– Не понял. Где это? – Брови Вяземского поползли вверх.

– Это точка в Мировом океане, которая считается самым отдаленным от какого-либо участка суши местом. А если быть более точным, то искать его нужно в южной части Тихого океана. Я не помню ее точные координаты, но можно посмотреть в интернете. Точка Немо была вычислена методом компьютерного моделирования еще в тысяча девятьсот девяносто втором году хорватским инженером-исследователем Лукателой. Им же было предложено название этой условной точки в честь решившего отдалиться от человечества капитана Немо. Ты же читал Жюль Верна. Это самое одинокое место на Земле. Ближайшие острова находятся от этой точки на расстоянии двух тысяч семисот километров. Представляешь? – спросила она, уютно подпирая щеку кулаком. – Точка Немо входит в список земных полюсов недоступности как Океанский полюс относительной недоступности. Над Точкой Немо может проходить орбита Международной космической станции. Поэтому многие космические агентства используют этот район в качестве кладбища космических кораблей, так как здесь минимален риск ущерба людям и природе. Отслужившие свое космические аппараты лежат на океанском дне, на глубине почти четырех километров.

– Интересно, – заключил со смехом Вяземский. – Дожили: сначала я тебе что-то рассказывал, а теперь ты меня просвещаешь.

– У нас взаимовыгодный обмен информацией. Это же хо-

рошо! – заметила Алена и замолчала, а спустя несколько секунд спросила: – Почему люди боятся одиночества, как думаешь?

– Как тебе сказать? У всех по-разному бывает. Иногда побыть в одиночестве полезно. Такой «простой» можно использовать для того, чтобы обдумать какие-то идеи, спланировать дела и быть продуктивным. Серьезный занятой человек обычно наслаждается временем, проведенным в одиночестве, и очень его ценит. Бывают люди, которым скучно с самим собой, и им обязательно нужен кто-то, кто наполнит собой их жизнь.

Алена внимательно смотрела на Вяземского и думала о том, что он не такой, как все. Он сильный человек. И, что самое главное, его счастье и настроение не зависит от других людей. Он может быть счастлив среди людей, так же как и в одиночестве.

– Алэн, о чем задумалась?

– Просто размышляю... – машинально произнесла она, все еще погруженная в собственные мысли.

– Так чем ты будешь занята в ближайшие дни? – настойчиво интересовался Вяземский.

– Чем? У нас планируется два выступления, – сообщила она, окидывая его задумчивым взглядом. – Будем репетировать. Все-таки мне повезло с новым партнером. Алексей меня просто бесил. А Димка... Димка Антонов классный партнер и верный друг.

– Может, ты просто предвзято относилась к Алексею? – попытался уточнить Вяземский.

– Нет. Дело не в этом. Просто мы были настолько разные. Даже Лидия Петровна говорит, что сейчас мы танцуем намного лучше. Я не могла раньше раскрыться в танце, а сейчас у меня это получается.

– Еще бы! Ведь вы танцуете с ним уже второй год?

– Угу! Он ушел от своей прежней партнерши. Он вообще бальными танцами занимался, а потом надоело. Теперь со мной танцует испанские танцы, – весело хмыкнула она. – Ты придешь на выступление?

– Конечно. – Он пил кофе и наблюдал за Аленой. Она выросла и стала очень красивой.

Он постоянно ловил себя на мысли, что не может относиться к ней по-прежнему, как к младшей сестре. Она волновала его, лишала привычного покоя. От ее красоты и какого-то особенного внутреннего света у него дух захватывало, а сердце в груди начинало колотиться, и от всего этого становилось радостно и тревожно. Алена задумалась, бесцельно водя вилкой по краю тарелки. Он дотронулся до ее руки:

– Кошка! О чем задумалась?

Алена посмотрела на него виноватым взглядом:

– Вадим, завтра маму выписывают из клиники.

– Я помню.

– Можно я ее встречу?

– Конечно, – согласился он. – Ей наверняка нужны будут

деньги...

Он не успел закончить фразу, как Алена перебила его:

– Извини. Ничего давать не нужно. У меня есть. Я скопила из своих карманных денег.

– Алена, к чему такие подвиги? Зачем нужно было ограничивать себя?

– Я тебе говорила, что это много. У меня остаются деньги.

– Хорошо, но если будет нужно, скажи.

– Обязательно. Спасибо тебе за все. За меня, за маму, за ремонт, который ты сделал в их квартире.

– Да брось ты, я же не сам его делал, а зарубежные мастера-таджики. Слава Богу, дом хоть не разнесли, – усмехнулся он, поднимаясь с места.

Алена тепло улыбнулась ему:

– Я знаю. Ты отлично понимаешь, что я имею в виду. Я очень тебе благодарна за заботу и внимание. Ты такой... – Она растроганно замолчала. – Я вчера заходила туда, все готово. Стало чисто и уютно. Маме будет приятно. Если бы она бросила пить и пошла на работу, как было бы хорошо. – Она мечтательно улыбнулась.

Алена легко поднялась и встала рядом с ним. Вяземский стоял возле работающей вытяжки, глядя на кончик зажженной сигареты. Она обняла его за плечи и, приподнявшись на цыпочки, ласково потерлась щекой о его щеку. Он повернул к ней голову и окинул ее теплым взглядом.

– Я это делаю все ради тебя, а не ради твоей мамы, – тихо

сказал он. – Но если ей будет нужна помощь, я опять помогу. Ты удивительный человек. После всего того, что было, ты продолжаешь... Замечательно то, что у тебя не очерствело сердце.

– Вадим, но ведь у меня нет другой матери. Она у меня одна. Понимаешь? – огорченно произнесла она и уселась на краешек стула, ссутулив плечи.

– Понимаю. – Он погладил ее по пушистым светло-русые волосам. – Я тоже хотел бы так, как ты, но не могу. В душе все затвердело.

– Вадим, ты сильный, поэтому никогда не жалуешься...

– Смысл? Жаловаться на пробки, потерянный багаж, а особенно на других людей по меньшей мере непродуктивно, – усмехнулся он. – Все эти факторы, как правило, вне нашего контроля. Единственное, что мы можем контролировать, – это наше собственное отношение к происходящему.

– И все равно! Ты можешь себе это позволить потому, что ты сильный человек, но вместе с этим ты добрый и справедливый. Я это точно знаю. – Алена коснулась ладонью его груди, словно старалась убедить в правдивости своих слов.

Вадим слушал ее, слегка наклонив голову. По его глазам было видно, что он готов рассмеяться.

– Ну! Так бывает не всегда. Я стараюсь быть добрым, стараюсь быть справедливым, но при этом я всегда готов постоять за себя, за тебя, – с улыбкой добавил он, качнув головой, – даже если это пойдет вразрез с чьим-то мнением. Я

способен выдержать чужие огорчения, чтобы выйти из ситуации изящно.

Алена задумалась, и на ее лице появилось мечтательное выражение.

– Ладно, хватит нам душевного стриптиза перед сном. – Он шутя коснулся пальцем кончика ее носика и улыбнулся. – Завтра такси возьми, когда поедешь в клинику, и не отпускай, пусть ждет. – Хорошо?

Алена согласно кивнула ему, но ничего не сказала. Он задушил сигарету и выключил вытяжку. Алена стояла и не двигалась с места, собираясь поболтать с ним еще, но он поцеловал ее в макушку и на ходу бросил:

– Спасибо за ужин.

Она вздохнула и начала убирать со стола посуду.

* * *

Прошло две недели после выписки Маргариты. Она бросила пить, перестала злиться на дочь, и Алена радовалась, что жизнь матери начинала налаживаться. Плохо было только то, что ее сожитель каждый день приходил пьяным, и по всему было видно, что останавливаться он не собирался. Участвовавшие скандалы иногда перерастали в драки. Алена, застав однажды мать с синяком на скуле, посоветовала:

– Мам, тебе нужно с ним расстаться. Он же тебя бьет! Опять синяк на лице!

– А ты мне не советуй! – злобно ответила она и, отвернувшись, пробормотала: – Я привыкла к нему. Он со мной столько лет...

– Да он живет и пьет за твой счет, ему это выгодно.

– Ты со своим Вяземским разберись. Спишь с ним с четырнадцати лет... Или что ты там ему делаешь? За какие удовольствия он с тобой так щедро рассчитывается? – Маргарита презрительно посмотрела на дочь. – Хватает еще наглости советы матери давать. Мать она учит...

– Мам, – у Алены слезы навернулись на глаза, – что ты такое говоришь? У меня не было с ним ничего! Он порядочный человек. И вообще, у него есть девушка. Екатерина. Они работают вместе. Он уже давно с ней... Больше года...

– Девушка у него для отвода глаз! Думаешь, если мать пила, значит, ничего не сообщает? Думаешь, другие так не думают? Кто? Ну, скажи мне, кто будет возить по разным странам чужую девчонку, покупать ей дорогие шмотки, золотые украшения, а? Вон в ушах какие кольца висят! Последний писк...

– Мам, ты не только меня сейчас так обижаешь... Своими нелепыми предположениями ты и его обижаешь тоже. – Губы Алены дрогнули, она заплакала и вышла из квартиры.

– А нечего на правду обижаться! Оби-иделась она, – недовольно протянула Маргарита и пошла на кухню, чтобы приготовить ужин к приходу Леонида. – Если обиделась, так проваливай. Не держу!

Придя домой, Алена не стала ничего говорить Вяземскому, понимая, что она в душе опять мать простит и будет так же ходить к ней, а Вадим ей ничего не простит и не забудет. Вечером она занялась уроками, а потом решила устроить себе перерыв и послушать музыку в своей комнате. Вадим в это время сидел в гостиной на диване перед телевизором и с увлечением смотрел биатлон. Он так громко болел за наших спортсменов, что его возмущенные возгласы были слышны Алене в ее комнате. Она улыбнулась и пошла посмотреть на страстного болельщика. Она задержалась в гостиной, с любопытством глядя на Вяземского и на то, как он неистовствует. Уходя, она бросила еще один взгляд на телевизионный экран.

– Ну, давай, давай, что же ты? Эх! – огорченно воскликнул Вадим, отчаянно хлопая себя ладонями по коленям, болея за российского спортсмена, пришедшего к финишу вторым.

– Нет, ну скажи ты мне, как в биатлоне можно прийти вторым, если кругом лес, а у тебя ружье за плечами? – делано возмутилась Алена, всплеснув руками, и улыбнулась.

Вяземский расхохотался и, шутя хлопнув ее ладонью по попе, потребовал:

– Иди и не мешай мне смотреть.

– Да пожалуйста, – рассмеялась она.

Оставив Вадима в гостиной, она вернулась к себе в комнату и, расположившись на кровати, громко включила музыку, надев предварительно наушники.

Вяземский, сидя в гостиной, услышал, как зазвонил городской телефон, и удивился. Им с Аленой редко звонили по городскому телефону, в основном на мобильники. Он не мог оторваться от экрана телевизора, так как транслировали заключительный этап эстафеты биатлонистов. Он все еще надеялся, что трубку возьмет Алена, но та, видно, этого делать не собиралась. Вадим вышел в прихожую, взял трубку и раздраженно бросил:

– Да! Вяземский!

– Вадим Георгиевич, как хорошо, что вы дома. Я уже испугалась, что не дозвонюсь до вас. У Алены телефон не отвечает. Тут такое у нас... Такое случилось...

– Галина Дмитриевна, да говорите уже!

– Мать Алены мертва...

– Что значит мертва? – растерялся он. – Умерла?

– Ее убили. Отчим Алены ее и убил. Она же и пить после клиники бросила, а тут он пришел с друзьями, шумел очень, ругался, громкие крики слышались, а потом все стихло. Потом полиция приехала. Сейчас они еще там. Алене бы надо приехать...

– Да, я скажу ей сейчас... Не знаю только, как это лучше сделать... Мы скоро приедем.

Алена сидела в своей комнате и с закрытыми глазами слу-

шала музыку в наушниках, чтобы громкий звук не мешал Вадиму. Она раскачивалась в ритм со звучащей музыкой и улыбалась. Почувствовав присутствие Вадима, она открыла глаза и сняла наушники.

– Что-то случилось? – с улыбкой спросила она. – Такая музыка... Хочешь послушать? Садись рядом. – Она протянула ему один наушник, оставив себе другой.

– Собирайся! Нам с тобой нужно поехать к твоей матери...

– Мама звонила? – Ее большие глаза моментально наполнились тревогой. – Она звонила сама?

– Нет. Звонила Галина Дмитриевна. Одевайся, побыстрее, – мягко произнес Вадим.

Уловив недосказанность в его интонациях и то, как он поспешно отвел глаза, она похолодела.

– Вадим! Не молчи! Что с мамой? Она хоть жива? – еле вымолвила она, переходя на шепот.

– Не знаю. Поехали.

Путаясь в одежде, она с трудом сообразила, что на себя надеть, и вышла из комнаты. Они мчались на мощном внедорожнике по мокрым улицам. Ей казалось, что они ехали очень долго, и поэтому она шептала в прижатые к губам кулачки:

– Быстрее, только быстрее! Вадим, быстрее, пожалуйста!

Она выскочила из машины, едва Вадим успел затормозить у подъезда. Он кинулся за ней. Алена легко преодолела два

лестничных марша, прежде чем он схватил ее за плечи.

– Вадим, пусти! Там мама! Видел же, что скорая стоит у подъезда? – Она отчаянно вырывалась из его крепких рук и сердилась при этом.

– Алэн, тебе не нужно туда ходить... Во всяком случае, пока не нужно...

– Пусти! – Она оттолкнула его и побежала вверх по лестнице.

С трудом протолкнувшись через людей, заполнивших тесную прихожую их небольшой двушки, она шагнула в комнату и остановилась.

– Девушка, куда вы? Сюда посторонним нельзя, – остановил ее немолодой, с усталым лицом, работник полиции с погонами майора.

– Это дочь погибшей, – напомнила ему чета пожилых соседей, приглашенных понятыми.

Алена смотрела остановившимися глазами на мать, лежащую в небольшой лужице крови. Девушка беззвучно шевелила губами, а потом вдруг тоскливо завывала, не утирая слез. Вадим вошел и, схватив ее, прижал к себе:

– Тихо, тихо, моя хорошая!

Он гладил ее по голове, а сам тоже не мог оторвать взгляда от лежащей на полу женщины, чей силуэт был уже обведен мелом, и судмедэксперт дал разрешение на то, чтобы убрать труп. Алена пыталась освободиться от Вадима, чтобы подойти к матери. Он отпустил ее, и она, опустившись на колени,

погладила ее по лицу и волосам. Ее оттеснили работники с приехавшей скорой, которые легко переложили труп Маргариты в пластиковый пакет и, погрузив его на носилки, вышли.

– Вадим! Я так хотела сказать ей, как сильно я ее люблю, несмотря ни на что... – захлебываясь в плаче, причитала Алена. – Я так и не сказала ей... Я не успела, Вадим! Понимаешь? Моя мама... Теперь уже никогда не скажу-у-у. – Она закашлялась, прижимая ладонь к губам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.